

The background of the book cover features a composite image. On the left, a large, curved horizon of the Earth is visible against a deep blue sky. On the right, a silhouette of a modern city skyline with several tall skyscrapers is shown against a lighter blue sky. The city lights are reflected in a body of water at the bottom of the image.

Анастасия Василёк

Мозаика судьбы

16+

Анастасия Леонидовна Василёк

Мозаика судьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42544261

SelfPub; 2019

Аннотация

Это история о судьбоносной связи, которую не разорвешь. Герои проживают множество жизней, борясь с роком, не зная, что все во многом зависит именно от них.

Будущее – исполнитель провидения. В. Гюго
Оливия Браун. Нью-Йорк. 2032 год.

Мне снова ничего не снилось. Я каждую ночь проваливаюсь в черноту, в ней же и пробуждаюсь. Я лежала на своей большой одинокой кровати и смотрела в темноту утра. Наконец, я нажала кнопку рядом, и окно на всю стену стало прозрачным, впустив в комнату ослепляющий солнечный свет. Я зажмурилась и с полужакрытыми глазами прошла в ванную. Из зеркала на меня смотрела девушка, выглядевшая не так молодо, как должна быть. Мне двадцать два года, но моя жизнь уже в тупике. Хотя сейчас это нормально. В двадцать лет ты проходишь тест на предрасположенность к профессиям, выбираешь одну, получаешь краткий курс обучения и до конца своих дней сидишь на одном месте, принося своим трудом пользу обществу. Институты перестали быть учебными заведениями, а просто стали банками знаний о прошлом. Например, если тебе суждено стать учителем, то ты идешь в институт и получаешь из базы данных информацию о предмете, который ты будешь преподавать, запоминаешь ее, на это дается некоторое время, и идешь на работу. Все просто. Время на вес золота, важно быть полезным здесь и сейчас, теперь никто не тратит годы молодости на просиживание в университетах. Никто.

Прошло два года, как я прошла свой тест. Мои родители были глубоко разочарованы, только бабушка сказала, что я еще буду счастлива, что стала тем, кем стала. Библиотека-

рем. Хранителем вечных знаний. В моем распоряжении оказались и электронные виды книг, и бумажные, которые на удивление не вымерли, а, наоборот, стали ценнее, так как являли собой живой источник знаний о прошлом, не только текст, но и форму, которая также несла информацию. Власть призывала сдавать такие книги в архивы, но на деле они так там и остаются пылиться. Да, бумажные книги стали ценнее, но лишь формально, лишь как знак того, что прошлое человечества имеет значение для нашей верхушки.

Что же до моих родителей, то они, квалифицированные врачи, застали еще старую систему обучения, и новые порядки заставляли их содрогаться каждый день. Новые работники не имели тех навыков и опыта, которые имели старожилы профессий. Но тут все меняла техника, которая восполняла отсутствие опыта. Врач мог лишь формально участвовать в операции как наблюдатель. То же и со многими другими профессиями. Судья лишь выносит вердикт, решенный машиной, водитель лишь программирует маршрут, журналист лишь суммирует информацию, пришедшую ему на компьютер. Мы обслуживаем нашу технику, мы как аксессуары, которые не несут никакой важной функции – просто жалко выкинуть.

Все изменилось совсем недавно, но люди быстро приспособились. Переворот произошел из-за катастрофы, которая была ожидаема. Десять лет назад общество изжило себя, начались серьезные изменения в природе, с которыми чело-

век вдруг не смог бороться, начались революции и мелкие войны. Великие державы теряли свое наследие, люди чуть не превратились в животных. Никто не знает точно, как все вдруг наладилось, но в итоге все правители, которым было чем управлять, договорились, что нужно создать новую систему. Детство мое прошло в старом мире, пока я росла и развивалась, то же самое делала и новая система. И вот ее расцвет. Кажется, она прижилась, но насколько долго, никто не знает. Побочные эффекты еще неизвестны. А прошлое, конечно, не забыто, но в пределах знаний. О политической ситуации в мире, истории прошлого в подробностях и причинах катастрофы призывают не говорить и сведения об этом хранятся в секретных хранилищах. А чтобы у людей было теперь как можно меньше контроля над своей и чужой жизнью, нами правят машины и группка невидимых нам людей.

Я выпила кофе, натянула невзрачное платье и вышла из квартиры. Время стало очень ценным, поэтому одновременно со мной вышли из своих квартир еще несколько человек. Теперь мы все живем по расписанию, опоздание даже на одну минуту может принести наказание. Мы все набились в лифт и поехали вниз. Личные отношения, наоборот, обесценились, никто не стремится сблизиться друг с другом, поэтому никто из соседей не общается между собой. Я оглядела лица, которые вижу каждый день, и осознала, что не знаю их имен. Я помню время, смутно, конечно, когда мы жили

в другом месте и каждый выходной мы собирались с соседями, болтали и веселились. На праздники все дарили друг другу что-нибудь. От этих мыслей мне становится грустно, но долго думать об этом мне не приходится: лифт открыл свои двери, и мы все выскользнули из него навстречу нашим ежедневным заботам.

До работы я предпочитаю добираться пешком, не люблю эти шумные автобусы, парящие с огромной скоростью над дорогой. Хотя на своих двоих я затрачиваю достаточно много времени, но я всегда прихожу вовремя. Как и в этот раз. Библиотека находится в центре города в старинном красивом здании с высокими колоннами и двумя статуями старцев на входе, держащих книги в руках. Охранник, который приходит еще раньше меня, радостно машет мне рукой и пускает внутрь. Тут наступает минутка, так же повторяющаяся каждый день, когда я сажусь на стул за огромной стойкой и просто оглядываю все эти стеллажи с книгами вокруг меня. Величайшие знания окружают меня, и я даже чувствую небольшое давление от них. Запах старины витает в воздухе. Приятный солнечный свет пытается пробиться сквозь толстые портьеры, но у него это плохо получается, поэтому вокруг теплая темнота. Компьютеры еще выключены, так что здесь пока что тихо. И каждый раз у меня пробегают мурашки по коже, я чувствую себя в колыбели вечности. Все нарушается, когда мне приходится нажать кнопку включения под столом. В одну секунду все компьютеры начинают жужжать, загора-

ется свет, кондиционер разгоняет прелый запах книг. Сегодня понедельник, так что посетителей будет немного, и я могу посвятить день прочтению очередной книги из золотых запасов. Такими запасами я называю произведения, которые перестали быть актуальны в наши дни и в течение год не были взяты ни одним посетителем. Это самые лучшие книги, я называю их «лучшие для лучших». Про них забывают, потому что думают, что они больше не смогут открыть ничего нового. И тогда я решаюсь найти новый угол зрения на их содержание. Одни боятся читать эти книги, думая, что их могут наказать за это, другие воспринимают повествование в них, как фантастику. Иные испытывают страх, наоборот, от знания, что это было нашим прошлым, но мы все разрушили. А я хочу их читать, хочу знать, что было до всего этого, хочу знать могла бы я быть кем-то другим, если бы судьба преподнесла мне другое время.

Рабочий день пролетел быстро, я только в девять села читать, а вот уже и три часа дня. Я встаю из-за стола и начинаю ходить между огромных стеллажей, совершая некое подобие зарядки. Потом возвращаюсь на рабочее место, сажусь, закрываю глаза и слушаю шум работающих кондиционеров.

Кажется, я ненадолго уснула, и была вероломно выдернута из дремоты громкими возмущениями охранника. Обычно он так не делает, поэтому я взволновано вскакиваю и уже было направляюсь к выходу, как все неожиданно стихает. Потом слышатся громкие шаги, и тут в двери входят несколь-

ко человек, все в черной строгой одежде.

В детстве у меня часто случались приступы паники, и я очень долго не могла от них избавиться. Меня бросало в дрожь, а затем я начинала бежать. Иногда я могла бежать несколько часов подряд без остановки. Когда дела пошли в лучшую сторону, я перестала убегать, а просто жутко желала это сделать. И вот сейчас я готова была скрыться от них и как минимум час мчаться по улицам города. Чтобы не сделать этого, я решила атаковать их своим грозным видом. Получилось у меня плохо.

– Кто вы такие? Почему охранник пытался задержать вас на входе? – накинулась я.

– Так вот как у нас в библиотеках встречают посетителей! – отразил атаку самый пожилой на вид мужчина. Сразу стало понятно, что он главный.

Тут голос подал молодой человек, которого не было до этого видно из-за спин двух огромных парней: «Простите, что мы так шумно вторглись сюда, но у нас неотложное дело. Охранника немного испугал наш состав, но с ним мы уже все уладили. А теперь, надеюсь, и с вами не будет проблем».

Я сникла, у меня нет аргументов против такой вежливости.

– И какое же у вас дело? Какая-то особая книга? Документ из архива?

И тут в дело вступил последний член их группы – молодая женщина, с очень строгими чертами лица и елеинной улыб-

кой: «Вообще-то мы пришли именно к вам. Мы просим вас проследовать с нами, так как у нас к вам есть очень интересное предложение».

– Собственно говоря, это не предложение, а приказ. Мы кураторы национальной организации исследований прошлого. Сейчас мы на пороге великих открытий, и вас отобрали как кандидатку на участие в эксперименте.

– Что? Меня отобрали? А спросить меня не хотели? Я не могу уйти с работы и пойти участвовать в каком-то непонятном эксперименте, – я была возмущена.

Тут пожилой достал какую-то бумагу из кейса и сунул мне ее прямо в нос со словами: «Постановление главы государства, вы не имеете права отказаться, это на благо страны. Ваш начальник предупрежден, вам будет найдена замена на время испытаний. Думаю, стоит прекратить разговоры и пройти с нами».

И тут я поняла, что два огромных парня были здесь представителями силы, и если я и хотела им отказать, меня ждала встреча с ручищами двух этих громил. Поэтому я дрожащими руками беру сумочку и понуро бреду к выходу, оглядываясь на процессию за моей спиной. Группа что-то обсуждает, держась от меня на расстоянии, видимо, чтобы я ничего не слышала. На выходе я смотрю на охранника, он грустно пожимает плечами и закрывается от нас журналом. У здания стоит шикарная черная машина, лучшая модель современности. Окна в ней полностью затонированы, от этого стано-

вится не по себе. Машина полностью автоматизирована, водителю нужно было лишь задать маршрут и все. Так что как только последний из нас в нее сел, она тут же взмыла в воздух и помчалась на неощутимой для меня скорости сквозь пространство города.

Пока мы ехали, я вспомнила, как читала книгу какого-то русского писателя, который описывал, как в их далекие времена к ним домой могли заявиться страшные люди, без объяснений забрать их из дома, и тот человек больше не возвращался. По спине пробежали мурашки, и я решаю расспросить самого приятного из команды, молодого красавчика: «А вы не можете мне рассказать поподробнее обо всем?».

Он одарил меня приятной улыбкой и уже собирался ответить на вопрос, как вмешалась женщина и грозно произнесла: «Никаких вопросов».

Красавчик пожал плечами и уткнулся в свой телефон. Замечательно! Значит, мои родственники даже не узнают о том, что меня превратили в монстра в ходе каких-нибудь экспериментов.

Я погруженная в размышления даже не заметила, как машина остановилась, и поняла это только тогда, когда пожилой начал толкать меня к выходу. Оказалось, что уехали мы недалеко, да что говорить, это был самый центр города. Вокруг кипела деловая жизнь, а над головой возвышалось огромное стеклянное здание, похожее на факел. Пожилой, продолжая меня толкать, направил меня к входу. И тут я

неожиданно осталась наедине с этой змееподобной женщиной.

– Меня зовут Беатрис. Я здесь научный работник. Мы приносим извинения за то, что все проходит так бестактно, вообще-то остальных членов группы мы набирали немного по-другому, но вы оказались последней, а сроки уже поджимают. Вам все объяснят по ходу действий. Сегодня первый сеанс, – она оттараторила это складной скороговоркой. Я все еще помнила, что не должна задавать никаких вопросов, поэтому делала это мысленно. Группа? Сроки? Действия? Страх нарастал и достиг пика, когда я оказалась перед большой белой дверью...одна. Беатрис скрылась незаметно, пока я снова задумчиво размышляла о произошедшем и рассматривала пол под ногами. Какая же я глупая, нужно было следить за ней.

Мне оставалось лишь одно. Войти.

Просторный белый зал ослеплял своей пустотой. Одно большое окно открывало панораму на город, внизу мелькали машины и автобусы. В центре помещения стояли кругом шесть стульев. За ними сидели трое мужчин и две женщины, я была третьей и шестой. Когда дверь за мной закрылась, все дружно повернулись в мою сторону, и каждый по-своему оценил меня. Раздражение в этом помещении я могла потрогать руками, и, как бы странно это ни было, от этого мне стало легче. Не я одна буду недовольна всем, что происходит. Я неуверенно подошла к свободному стулу и села, стараясь не

смотреть никому в глаза. Но со мной разговор начали сами: «Ты тоже попала в это дерьмо, поздравляю».

Это сказала молодая девушка в коротком платье, увешанная украшениями, с идеальной прической и макияжем, и прозвучало это из ее уст как-то неестественно. Девушка была красива, но чем-то отталкивала от себя.

– Да, чем они тебе угрожали, милочка? – а это сказал толстый мужчина в костюме.

– Простите? Угрожали? Мне не угрожали.

Я решила умолчать тот факт, что ко мне заявили посредки рабочего дня неизвестные мне люди с двумя амбалами.

Повисла пауза, от которой у меня побежали мурашки по коже. Я уже хотела было сказать что-то в свое оправдание, как в зал вошел тот самый пожилой мужчина, позади плелся молодой парень из машины, неся в руках два чемоданчика.

– Я надеюсь, вы еще не успели познакомиться друг с другом, потому что эту честь я хотел предоставить себе. Я Мартин Хэлс. Я ученый, вы мои подопытные. Такие отношения мы установим через несколько минут, это все, что нам будет важно в ближайшее время. Но, чтобы нам все же было комфортно, я расскажу вам кто здесь, кто за пределами этого здания. Начнем. Мария Микан, модель, родом из Польши, – ученый указал на грубую блондинку, она же всем помахала рукой и улыбнулась какой-то фальшивой улыбкой, так что мне захотелось отвернуться и не видеть ее лица никогда.

– Мария приехала в Нью-Йорк с родителями уже после

передела мира, работу нашла быстро, в основном на всевозможных мелких показах. Но однажды нашей прекрасной даме захотелось большего, и она приняла участие в откровенной фотосессии, на которой она надеялась получить легкие деньги. И тут неожиданно выяснилось, что ее пригласили дефилировать на очень важном показе, и эти фотографии могли очень многое испортить. Ведь фотограф, которому она продала свое обнаженное тело, оказался простым служителем порно-индустрии. Ох, эти фотографии могли бы сделать много шума, и карьера Мари, которая и так на ладан дышала, разлетелась бы в полный прах. Мы появились как раз вовремя, не правда ли, Мари? – Хэлс улыбнулся ей, она попыталась ответить такой же улыбкой, но в итоге получилась лишь вымученная гримаса. Мне стало неловко, но я поняла, что жду продолжения, потому что уверена, что у меня секретов нет.

– Следующая наша звезда Фрэнк Салливан, – это был молодой человек с прекрасным телосложением, в спортивной одежде, и на его лице явно было написано отвращение ко всему происходящему. Неужели и у него есть темные секреты? Я не понимаю сути речи Хэлса.

Хэлс продолжил: «Фрэнк из хорошей американской семьи, где он единственный и всеми обожаемый сынок. С детства он играл в футбол и стремился всегда быть уважаемым всеми. Но однажды он повредил ногу и никому не сказал. Ведь скоро был очень важный матч, и он просто не мог под-

вести команду. Поэтому он нашел врача, который скроет его травму и поможет с нужными медикаментами. Однако допинг-контроль штука страшная, когда все вскрылось, исключить собрались не только Фрэнка, но и всю команду. И снова мы рядом, как ангелы-хранители. Можешь нас не благодарить, Фрэнк, надеюсь, вы выиграете этот матч, когда ты освободишься".

Молодой человек покачал головой и даже не взглянул на ученого.

– Продолжаем. Карл Линдберг, – при упоминании своего имени толстый мужчина стал еще краснее, чем был, по его лицу струился пот.

– Карл – предприниматель из Швеции. За вами, сэр, нам пришлось ехать. Но вам не стоит так беспокоиться, может воды? – Хэлс кивнул молодому человеку и тот скрылся на секунду, чтобы тут же вернуться со стаканом прозрачной холодной воды. Пока Линдберг жадно пил, я поняла, что у меня самой губы пересохли от такого количества чужих секретов.

Но Мартин не останавливался: «У Карла тоже печальная история. Он еще до передела мира женился на прекрасной девушке, у которой было очень много денег. Понятное дело, что брак основывался на втором плюсе девушки. Карл строил бизнес, но жену не любил, и, как это обычно заканчивается, он начал ей изменять. И так увлекся, что однажды выбрал не ту девушку. Любовница оказалась чужой возлюб-

ленной, а точнее женой одного опасного бандита в Швеции. В общем, Карлу грозило не только разоблачение перед женой, но и, скорее всего, смерть. Скажу честно, Карл, вашу проблему было очень сложно уладить, не каждый день мы договариваемся с людьми, которые контролируют преступный мир целого города. Но теперь все хорошо, вы с нами», – Мартин Хэлс получал удовольствие от каждого сказанного им слова. Он знал все тайны этих людей, даже самые сокровенные, и им было страшно от этого, и их страх питал его.

– А это просто Люси, – ученый показал на маленькую темноволосую девушку, которая мне показалась такой беззащитной, что я просто не хотела слушать про нее гадости. Но Мартин в этот раз был короток: «Она проститутка. Тут не нужны комментарии. Мы спасли ее от тюрьмы. Продажа тела теперь преследуется намного строже, а так мы отправим тебя, Люси, в хороший публичный дом, чтобы все было законно».

По щеке Люси скатилась слеза. Я не могла на это смотреть, я быстро достала из сумочки платок и протянула соседке. Она, всхлипывая, кивнула, а Хэлс сделал вид, что ничего не заметил.

– А это Пол Милтон. Он просто убил человека, и мы поможем ему скрыться от закона, хоть это не очень правильно.

Молодой человек в черной футболке и джинсах, с черными взъерошенными волосами и темными глазами улыбнулся Хэлсу и громко сказал: «Воистину благодарю вас за такой

великий дар, что вытащите мой зад из такой передрыги, вы наш спаситель».

Он был потрясающ в своей уверенности и смелости. Было понятно, что Пол издевается, но никто не подал виду. Убийца сидел так близко, я никогда в жизни не находилась рядом с таким большим количеством по сути преступников, да что там говорить, я только по телевизору их видела. А теперь получается, что каждый в этой комнате, так или иначе мог попасть в тюрьму или еще хуже – умереть. Все это были преступления в наше время: допинг, порно, проституция на улицах. Это все отклонение от правил, норм, законов. Разрушение нового идеального общества.

Я заерзала на стуле, была моя очередь, но они ни от чего меня не спасали, значит, у них есть что-то, чего даже я не знаю.

– Оливия, встаньте, пожалуйста, – я исполнила просьбу.

– Перед вами образец чистоты и безгрешности, если мы можем говорить о таком в наше время, когда религия ушла на задворки прошлого. Эта девушка здесь, потому что она само добро, всегда поступающая правильно, и она поможет нам понять, откуда берется добро. Она ценнее всех вас вместе взятых, потому что ей не о чем сожалеть, – Хэлс на секунду замолчал, затем закончил, – кроме своей скучнейшей и никчемной жизни.

Мое лицо покрыла непроницаемая маска отчуждения. Этот человек все-таки сумел задеть меня. Я была не такая,

как все, я слишком часто вспоминала старые порядки и чувствовала себя неуютно в этом новом холодном мире. У меня не было рядом родителей, не было любимого и не было друзей, коллег у меня, по сути, тоже не было. Я жила в полной оторванности от мира и меня это мучило. Приходя в кафе выпить чашечку кофе, я начинала разговор с кем-то из посетителей, но все от меня отворачивались. Это заставляло меня еще больше думать потом, как все изменилось. Я начала вести дневник, который хранился только одной копией на моем компьютере, и именно в нем я высказывала так называемые в наше время «бунтарские взгляды», за которые могло следовать наказание, так как этого новое правительство боялось больше всего. Снова потерять контроль над людьми. Но я не собиралась менять мир, я жила в своем личном. А эти люди проникли в него только ради того, чтобы я участвовала в их эксперименте. Наш подбор был не случаен: все мы жили не по схеме, все мы нарушители и выбиваемся из системы. Это система могла нас просто стереть, но она решила нас использовать.

Среди моих мыслей раздался голос: «Ну, если это ее худшее преступление, я думаю, мы сможем простить ее», – это был Пол, и я была благодарна этому неизвестному юноше-убийце, что он спас меня от Мартина, который явно собирался продолжить.

– О да, Пол, ты прав. Этого достаточно, – Мартин мне многозначительно улыбнулся. Я села на стул и обхватила се-

бя руками. Я здесь не больше пятнадцати минут, но уже чувствую себя как в клетке.

– А теперь к делу. С этого момента никого в этой комнате не должно волновать кто есть кто за ее пределами. Нас интересует лишь прошлое. Ваше прошлое, о котором вы не подозреваете.

Все в комнате удивленно на него уставились, совершенно не понимая, что Мартин имеет в виду.

– Наш проект засекречен, так что до этого момента мы не предоставляли вам информацию. После того, как мы все вам разъясним, вы так же не имеете права говорить о том, что здесь происходит, кому-либо за пределами здания. После первой встречи вы все подпишете договор, в котором будут прописаны все правила эксперимента.

– Может, уже к делу перейдем? – нетерпеливо воскликнул мой сосед. Мысленно я была с ним согласна, так как этот дьявол в костюме явно растягивал беседу для личного удовлетворения.

– Ну, раз вам не терпится... Генри, раздай планшеты.

Красавчик тут же раскрыл один из кейсов и достал оттуда шесть блестящих планшетов. Быстро раздав их нам, он вернулся на место ко второму кейсу. У всех планшеты были выключены. Мартин снова начал говорить: «Из-за неправильной политики прошлых властей случилась глобальная социальная катастрофа, и мы утратили много информации о прошлом нашей планеты. Новое правительство после несколь-

ких лет работы приняло решение, что желает проанализировать историю, чтобы больше таких трагедий не случилось. Но история оказалась частично покрыта мраком. И мы говорим не о фактах, таких как войны, эпидемии и многие другие, мы имеем в виду историю человека, его поведения и социального падения. А раз правительство в этом нуждается, значит должны быть те, кто смогут решить их проблему. И это мы. Ученые-химики несколько лет назад задались вопросом: существует ли у человека душа? Станный вопрос, нелепый. Но они нашли в организме человека нечто необъяснимое, а точнее, энергетический слой, обволакивающий сердце. Он почти неуловим. Но они уловили. И новый вопрос: хранит ли этот слой что-то? И снова неожиданный ответ: да, у этого энергетического слоя есть память. Но вытащить из нее информацию очень сложно. Однако уже не невозможно. Нами разработана сыворотка, которая помогает человеку впасть в транс на таком уровне, что он буквально «очищается» от всего и становится «чистой» энергией, которая и раскрывает нам прошлое. Сыворотка была испытана всего лишь на одном человеке, и мы смогли проследить его духовную жизнь до 18 века. Далее мы заходить пока не рискуем, так как боимся, что у нашей сыворотки есть побочные эффекты, о которых мы еще не знаем. Вы – группа, чье прошлое мы решили исследовать. Ваша задача – каждый день, кроме выходных, появляться здесь, получать сыворотку и впадать в транс. После каждого сеанса вы должны рассказы-

вать ваши ощущения. Все рассказывать не обязательно. В ходе испытаний мы неожиданно открыли возможность подключаться к вашему энергополю с помощью прибора, который ловит любые волны. Он показывает нам запись примерного вашего приключения, хоть и искаженно, схематичными картинками, но этого достаточно. Главное для вас – держать эти приборы в руках», – он кивнул в сторону наших планшетов и неожиданно у всех загорелись зеленоватым светом экраны.

– Готовы начать?

– Прямо сейчас?! – неожиданно для себя воскликнула я.

– А почему бы и нет? Сегодня у нас пробный вариант, так сказать, проверка на переносимость эксперимента. Естественно, если кому-то станет плохо, мы исключим его из дела и найдем замену. Но это не в ваших интересах. Генри...

Молодой красавчик кивнул и молниеносно открыл второй кейс. В нем находились шесть шприцов с красной жидкостью. Генри раздал их нам.

– Вколите эту жидкость в вену левой руки. Сделайте это, пожалуйста, сами, так эффект ощутимее, по неизвестным нам причинам. И удачи вам в вашем путешествии, – Мартин улыбнулся нам хищной улыбкой и вышел из комнаты. Генри остался стоять у двери, будто ожидая своего хозяина.

Несколько минут мы были в замешательстве, но потом парень-убийца смело воткнул шприц в руку. И все, как по команде, повторили за ним. Несколько секунд ничего не про-

исходило, а потом мир перестал существовать.

Брук Джоунс. Йемен. 2010

В следующую секунду я уже в другом месте. И, кажется, в другом теле. Не могу это точно объяснить, но у меня чувство, будто мир тесноват для меня, будто мысленное пространство я делю с кем-то еще. Да, это странно, но именно такие у меня ощущения. И только я начинаю привыкать к этому теснящему чувству, как все приходит в движение. Я пришла в движение, причем абсолютно неконтролируемое мной. Я постаралась настроиться, начала со зрения. Стараюсь мысленно представить, что я щурюсь, и мир начинает обретать более четкие очертания. Вокруг меня голые кирпичные стены, пол – земляной, потолок – низкий. Света нет, и комната освещается лишь благодаря одному окну, занавешенному грязной тряпичей. Пока я осматривалась, ко мне сквозь пелену начали долетать звуки. Это плач и причитания, и негромкие сердитые спорящие мужские голоса. Со звука я переключила зрение на внутренность комнаты и была сильно удивлена. Вдоль стен сидят люди, много людей. Это и женщины, закрытые платками, и мужчины с грозными автоматами и другим оружием, то могли быть и ножи, и даже длинные острые палки. Еще здесь несколько детей, которые сильно напуганы и от этого громко плачут. Наконец пришло время сконцентрироваться на собственном теле. Оно раскачивалось. Я почувствовала комок нервов, он как будто не мой, поэтому так выделяется на фоне моего чувства обычного удивления. И

тут я наклоняюсь к женщине, которая сидит рядом. Мне требуется некоторое время, чтобы снова сфокусировать зрение на ней. Она вся какая-то грязная, испуганные глаза обводят комнату быстрым взглядом снова и снова, и когда я обратилась к ней, она немного вздрогнула. Мой голос все еще, кажется, мой голос, лишь слегка с хрипотцой. Я спрашиваю: «Как вы думаете, надолго мы здесь? Сколько длилась прошлая атака? Как вы считаете, армия США вносит свой вклад в борьбу с Аль-Каидой?»

Кажется, глаза женщины распахнулись еще шире, оно неловко почмокала губами, как будто хотела, чтобы ее ответ был сочным и притягательным. Но только она открыла рот, чтобы что-то сказать, как дверь распахнулась с ноги. Общая волна испуга прошла по всем, но вместо людей с оружием в дверь вошел лишь один – единственный человек: мужчина с густыми черными волосами и большой камерой в руке, к который явно должен был прилагаться штатив, но он, видимо, был потерян.

– Быстрее, – крикнул он и подал руку мне. Я хотела сразу же ухватиться за эту руку, так как в чертах мужчины увидела что-то очень знакомое и приятное, но мое тело замедлилось на секунду в нерешительности, но это было незаметно для окружающего мира, я же это просто смогла почувствовать.

Мы бежим между домами, которые создают узкую грязную улочку. Мы двигаемся не останавливаясь. Наконец, впереди показался маленький сарайчик.

– Мне нужен отдых, – воскликнула я. Но это была не я. Я готова бежать еще дальше от этого непонятного мне хаоса. Но не мне это решать. Мы заходим в маленький сарайчик и садимся на земляной пол, тяжело дыша. Я достала телефон и быстро набрала номер. Голос, который я услышала в следующую секунду, заставил внутреннюю меня содрогнуться. Ощущение, будто я уже слышала его где-то, и я его боялась, но моя соседка по голове думает по-другому. Она любит его. Кажется, любит.

– Марк? Ты меня слышишь?

– Брук? Это ты? Боже, я не могу до тебя дозвониться уже три дня, я поднял на уши всю твою газету, они связались с министерством иностранных дел, они уже начали искать вас! Где вы?

– У нас не было связи здесь, террористическая группировка атаковала местность близ Йемена, я в одном из селений недалеко.

– Ты сможешь добраться до столицы?

– Я... я не уверена.

– Джош с тобой?

– Да, мы вдвоем.

– Тогда вы должны добраться до Йемена, вас там будут ждать.

Кажется, разговор закончился, я думаю, что сейчас он положит трубку, но нет.

– Брук, я люблю тебя!

– И я, Марк! Жди меня.

– Я...

Связь прервалась. Моя дрожащая рука сжимает телефон. Я поднимаю глаза на Джоша.

– Он сказал идти в Йемен.

– Идти? А твой влиятельный парень не может прислать за нами кого-то? Нам придется пройти большое расстояние по открытой местности, он буквально посылает нас на смерть.

– Джош, это война, мы не на курорте, и никто не обязан предоставлять нам эскорт. Мы на работе, мы сами выбрали этот путь. Наш долг быть здесь и показать миру весь ужас, что здесь творится.

– Я вообще не хотел в этом участвовать, если бы не ты...

Он посмотрел на меня таким проницательным взглядом, его рука потянулась к моему лицу и стерла слезинку со щеки.

– Джош, не надо, все давно в прошлом.

Я поднялась и вышла из сарая, он за мной.

– Кончилось? Не для меня!

Я направилась к песчаной дороге, оглядывая местность. Никого. Пугающе никого.

– Ты не боролся за меня!

Он схватил меня за руку и развернул к себе: «А я могу? Мог я бороться с ним? Он наврал тебе обо мне, а ты поверила. Это ты не боролась!»

Я смотрю в его глаза, и вдруг шепчу: «Прости».

Сама я не понимаю, почему говорю это, пытаюсь раско-

пать ответ внутри себя, но эти двое уже прижимаются к друг другу, еще чуть – чуть и они поцелуются, как тишину разрывает рев мотора.

Две машины выезжает со стороны пустыни, прямо на ходу из них вылетают люди с замотанными лицами и автоматами в руках. Они что-то кричат, подбегают к нам и тыкают прицелами в нас. Животный страх захватывает меня, я пытаюсь бежать, но один из террористов, а это именно они сомнений нет, хватает меня за руки и заламывают за спиной. Джош что-то кричит на арабском языке, другая я это понимает, но я настоящая в таком шоке, что теряю контроль над телом. Наконец машины останавливаются, и оттуда выходит высокий араб. Его лицо открыто, и это пугает еще больше. Он подходит к нам и начинает смеяться, а потом говорит: «Американские журналисты? Наконец-то вы попались. Не бойся, милая, – он гладит бьющуюся в руках боевика меня по щеке, – я верну тебя домой особой посылкой. Тащите их в штаб»

Террористы тут же исполняют приказ. Завязывают нам глаза и, видимо, толкают к машине. Мне темно и страшно, мне нечем дышать. Мы едем совсем недолго, я постоянно чувствую дуло автомата у лопаток. Мысли перемешиваются в голове. Я уже не знаю, где я настоящая, а где из прошлого. Все заканчивается подвалом. Я сижу на стуле, напротив Джош. Губа разбита, но я не помню, когда его били. Лампочка на проводе раскачивается над нами, озаряя помещение

тусклым светом. За спиной Джоша стоит все тот же улыбающийся негодяй. Он смотрит только на меня. Мы встречаемся взглядами, и я знаю, чем все закончится. Смерть в его глазах, только смерть, больше ничего.

– Знаете, вы, американцы, не умеете ценить жизнь. Вам вечно нужно лезть туда, куда вас не зовут. И я думаю, пора преподать твоему народу урок. Мой народ разберется в своих делах сам. А чтобы твои люди усвоили все хорошо, я пошлю им учебный фильм.

Он говорит это и смотрит мне в глаза. И я понимаю, что плачу.

– Принесите его камеру.

Приказ выполняется.

– Ты будешь снимать, – он протягивает камеру Джошу.

– Никогда, ублюдок!

– Ты будешь снимать или я расчленю ее на твоих глазах.

Я всхлипываю и с мольбой смотрю на Джоша. Я вижу в его взгляде столько любви, что знаю, он сделает это ради меня. Его развязывают, но тут же приставляют к голове автомат. Он берет дрожащими руками камеру. Главарь подходит ко мне и говорит: «Включай».

Джош делает то, что он говорит.

Прямо над моим ухом звучит его холодный голос, она говорит на ломанном английском:

«Я обращаюсь ко всем американцам – не лезьте в чужие дела. Это наша страна и наша война. С каждым американцем

на нашей земле мы сделаем это...»

Я так хотела услышать, что же это, мне показалось, что его голос удаляется от меня, и я уже хотела повернуться, как... волна боли быстро начала разливаться от головы по всему телу. Я почувствовала, как меня выталкивает из этого тела. Я беспокойно взглянула на Джоша, его руки дрожали, и он плакал. Он смотрел не в мои глаза, потому что я поняла, что я уже не в теле. Я исчезала. В последнюю секунду я увидела всю сцену как с высокока – Брук сидела на стуле, голова была одной большой кровавой раной, но один глаз был виден сквозь кровь, и он был широко открыт и смотрел прямо на Джоша. Я стала задыхаться, я умираю вместе с ней.

Оливия Браун. Нью-Йорк. 2032 год

Сначала было ослепительно светло, а потом я поняла, что падаю. Мне было плохо, несколько секунд я вообще не понимала, кто я, билась на полу, как рыба, выброшенная на берег, потом чьи-то холодные руки начали поднимать меня и пытаться поставить на ноги. Голоса, кто-то слегка бьет меня по щекам, а я все не могу сфокусироваться и наладить дыхание. И тут я слышу знакомый голос: «Ты не Брук, ты Оливия! Ты жива!»

Я жива. Я делаю глубокий вдох... передо мной на коленях стоит Джош... нет, это Пол, но я вижу в нем слишком много схожих черт с Джошем. Я пытаюсь начать говорить, но голоса нет. Поэтому я хватаю за руку Пола и многозначительно смотрю ему в глаза. Я хочу, чтобы он сказал это вслух. Что

он – это Джош. Но ко мне уже бежит Беатрис с женщиной в белом халате. Меня, как тряпичную куклу, хватают под руки и ведут куда-то. Я оглядываюсь в поисках все тех же глаз, но все уже перемешались в беспокойстве. Я отключаю себя.

Включаюсь, видимо, в каком-то медицинском кабинете. Надо мной стоит Беатрис, ее брови нахмурены, а рот натянут тонкой возмущенной ниточкой.

Голос пробивает изнутри: «Я не виновата. Вы не предупредили о моей смерти».

– Вы все умерли там. Лучшая проверка – отправка в самые неожиданные условия. Но после этого тебя должно было вынести оттуда, как на волне. Ты четко должна была чувствовать, где ты, а где твое прошлое я. С тобой так было?

– Нет, меня оттуда как будто силой вытягивало. Я видела себя...ее мертвой. И меня убили...я не готова...была не готова...

Взгляд Беатрис смягчился, она присела рядом: «Я предупреждала их, что нужна психологическая подготовка. Но ученые всегда торопятся. Они позвонят тебе, будет обсуждение твоего дальнейшего участия. Это неизвестная нам реакция, мы должны ее проанализировать. Но поверь, ты ценна для нас, как и все. Думаю, кое-кто сверху будет бороться за твое участие».

Это меня и радовало, и огорчало одновременно. Я не хотела здесь быть, но за один раз была достаточно замешана в чем-то, что должна была продолжить ради себя.

– А Джош? То есть Пол.

Беатрис остановилась в дверях: «А что с ним?»

Она ничего не знала.

– Какой у него был выход?

– Говорят, он сразу бросился к тебе. Странная реакция для убийцы. Пытается заработать себе репутацию, чтобы мы его потом спасли.

Ничего важного для меня. Я вышла через пять минут после Беатрис, и увидела их с Мартином в конце коридора, они о чем-то яростно спорили, можно было сказать – ругались.

За мной вышла медсестра и провела меня по коридорам к выходу, буквально вытолкнув на улицу. На сегодня я им больше не нужна.

Голова болела, мысли все разбежались, я не знала о чем сама же думаю. И тут в тени здания я увидела Пола, он стоял и курил, не смотря в мою сторону. И видя его, я так разозлилась, ведь его не анализируют! Я подскочила к нему и набросилась на него: "Почему ты им все не рассказал? Ты же Джош! Они должны знать это!"

Он как-то устало и нехотя повернул голову в мою сторону и произнес: «Я думаю им и без моих слов все известно. Другой вопрос – почему нам не сказали».

– Беатрис ничего не знает.

– Или хочет, чтобы ты так думала.

– ...Но почему ты легко вернулся?

– Из-за те... Брук. Не думай, что на тебя пришлось все са-

мое сложное. Ты просто взяла и умерла. А мне пришлось на это смотреть, снимать!

Он слегка повысил голос и достал вторую сигарету. Жадно затянувшись, он вопросительно на меня взглянул.

– Что-то еще?

– Если мы там были в одно время, значит, ты тоже...

– Кажется, на примере Брук они показали, как решаются у них проблемы. Не думала же ты, что они меня отпустят. Чтобы передать запись мы живыми им были не нужны. Убили сразу после тебя. Тут меня и вынесло.

– Так спокойно об этом говоришь.

– Я же убийца.

Он ухмыльнулся, потушил сигарету и направился назад в здание. Вот где его убежище. Прямо там, где на нем ставят опыты. Клетка для лабораторной мыши. Я растерянно оглянулась, пытаюсь осознать, как добраться до дома. Тут, как по моему желанию, открылась дверь припаркованного автомобиля, и оттуда показалось лицо красавчика.

– Я подвезу Вас домой.

Я кивнула и плюхнулась на переднее сидение. Машина легко взлетела и помчалась вперед.

– Трудный денек выдался, да?

Красавчик не нуждался в наблюдении за дорогой, поэтому решил поболтать. Я же была не расположена к беседе, поэтому буркнула: «Ну, один из нас сегодня умер, так что суди сам».

– Знаете, нас ведь ни о чем не предупреждают, так что не обижайтесь, что вам ничего не раскрыли. О делах знают совсем не многие, те, кто стоит над этим. Они Мартина-то с Беатрис посвятили по необходимости. Я вообще удивлен, что для эксперимента выбрали не тех, кто работает внутри организации. Мы знаем почти все изнутри, в смысле, мы знаем, из чего состоит сыворотка, мы проводили опыты...

Я удивленно взглянула на него. Я была уверена, что он обычный мальчик на побегушках, а он ученый. Он, как будто прочитав мои мысли, улыбнулся.

– Кстати, не бойся, тебя точно не выкинут из проекта. Хоть они и думают, что мы ничего не знаем, но мы не глухие. О тебе, надеюсь ты не против перехода на ты, говорили... тебя искали, мол, ты главное звено. Так что придется тебе еще пару раз поумирать.

Я так и не произнесла ни слова. Главное, что этот болтун сам мне выложил все, что я хотела услышать. Случайность моего попадания в эксперимент исключалась.

Как только я вошла в квартиру, я обессилено опустилась на пол и решила немного поплакать. Но ничего не вышло. Чертово успокоительное! Буквально ползком я добралась до кровати, свернулась калачиком прямо на покрывале и провалилась в дремоту.

Я проснулась от жуткого холода. Я потянулась в поисках пледа и...я захотела закричать, но голоса не было. На меня смотрела Брук. Очень мертвая и кровавая Брук. Или очень

мертвая и кровавая я. Нет, это была она. Я чувствовала, что сейчас мы разные люди. Я не знала, это сон или галлюцинация. Но Брук стояла в проходе и хотела общаться, как могла. Она протянула руку ко мне, я съежилась и уткнулась в спинку кровати. Ее голова наклонилась, в знак удивления. Мне стало жаль ее. Мне было жаль свою галлюцинацию. Я протянула руку. Она улыбнулась и в два шага оказалась у моей постели. Ее рука впиалась в мою, ее холодные пальцы сжали запястье. И я хотела отнять руку, но была поглощена картинкой, сменившейся во мне, как в кинофильме.

Это была Брук, но очень красивая. В дорогом черном костюме, волосы уложены. Это была спальня, и она явно собиралась уходить. Но ее кто-то отвлекал разговором. Она громко хохотала и постоянно смешно наклоняла голову набок. Я не могла увидеть мужчину, так как он стоял ко мне спиной. Тут он повернулся, чтобы что-то положить на комод. Это был Джош. Он выглядел так же презентабельно, как и она. Она явно спешила, но уходить – не уходила. А он не хотел пускать. Обнял ее за талию и начал что-то шептать. Она улыбалась, иногда сжимая его плечо. Мне стало неловко. И опять, как по моему желанию, новая картинка. Это чей-то кабинет. Он выглядит очень тесным. Брук сидит в мягком кресле и плачет. Над ней склонился мужчина. Он так красив. Он не так прост, как Джош. Из него так и прет весь лоск и пафос. Я слышу приглушенно фразы: «Он хотел сместить тебя. Это была гонка для вас двоих, но приз достался бы только

одному. Он не стал уступать. Он тебе не нужен, Брук. Сама подумай, где ты теперь без него будешь. Лучшего места и не придумать для тебя. Пусть клепает свои новости. Ты будешь делать мир лучше. Я позабочусь о тебе».

Следующая картинка без Брук. Джош сидит в просторном кабинете. Выглядит он усталым и взволнованным. Снова приглушенно: «Джош, я понимаю, ты как джентльмен хочешь уступить ей место, но редакция решила, что она не подходит для этой должности. Она хочет писать о том, о чем читатели не хотят читать. Ты не в силах изменить это».

– Я понимаю, но вы должны объяснить это ей, я не хочу, чтобы произошло недопонимание!

– Джош, вчера она подала заявление на увольнение сама, мы не успели ей ничего рассказать... может это к лучшему.

Мужчина похлопал Джоша по плечу и вышел.

Следующая картина – ресторан. Брук в красивом соблазняющем платье, напротив сидит тот молодой человек. Я начинаю понимать, что это Марк. Его глаза буквально пожирают Брук. Я вижу, что ей неуютно от этого взгляда, но она блестяще играет роль соблазненной девушки. Я догадываюсь, чем закончится этот вечер.

Новый кадр – Брук, завернутая в одеяло, смотрит телевизор. Там показывают людей с оружием, плачущих женщин. Тут видимо из ванной комнаты выходит... Марк. Брук тихо говорит: «Я должна туда отправиться. Ты мне поможешь?»

Марк хмурится.

– Я бы не хотел так рисковать твоей жизнью.

– Но это та работа, которую ты мне обещал.

Неожиданно, комната исчезает, и я вижу вертолетную площадку. Брук выглядит именно так, какой была, когда мы были вместе. Она смотрит на часы и сердито говорит: «Ну и где мой оператор?»

И тут она видит Джоша.

– Нет, этого не может быть, – шепчет она себе под нос.

– Здравствуй, Брук. «Видимо будем снова работать вместе», — говорит Джош с извиняющейся улыбкой.

– Как это возможно? Ты же этим не занимался с колледжа!

– Ну, это важная миссия, я решил, что это лучшее место сейчас для журналиста.

– Видимо, у меня нет выбора.

И резко все расплывается. Я в своей постели, но рядом нет никого.

Первая мысль – это сон. Но потом я смотрю на свою руку и вижу четкие следы от пальцев. Она была здесь, какой-то силой, но она пришла сюда. Мне стало дурно, я помчалась в ванную очистить свой желудок.

Я больше не могла спать. Я решила прошерстить интернет, я хотела узнать больше о загадочном Марке. Но я не могла так просто на него выйти, я не знала его фамилии. Решила искать через Брук. Руки сами набрали: «Журналистка Брук и Марк» ...поиск выдал неожиданную строку: «...не успели пожениться»

Я нажала и высветилась статья: «Марк Боул – преуспевающий политик, потерял свою невесту-журналистку Брук Джоунс в Йемене во время ее работы там. Девушка отправилась туда с целью показать весь ужас этой войны изнутри, но была схвачена со своим оператором бандой террористов. Все, что Марк Боул получил от них – это запись казни своей невесты. Тела журналистов не были найдены. Марк Боул не дает никаких интервью, он лишь заявил, что покидает политику, и даже, возможно, страну».

Далее внизу было приложено видео. Не знаю, зачем я нажала кнопку просмотра. Я же была там. Но так захотелось увидеть все своими собственными глазами. С видео на меня смотрела испуганная Брук, я не помнила такого страха. Она вжалась в стул, на котором сидела, и ее глаза выражали полное отчаяние. Она буквально кричала ими о помощи. Главарь террористов не изменился. Когда он выстрелил в Брук, то улыбнулся. Но Джош не выпускал из рук камеру, он продолжал снимать. Видимо, был в полнейшем шоке. Террорист что-то проговорил на своем языке, камера наклонилась, кажется, кто-то пытался вырвать ее из рук Джоша. Но его пальцы крепко держали. Видимо, он упал со стула, камера крупным планом сняла обезображенное лицо Брук. Тихий шепот: «Нет».

Потом звуки ударов, потряхивание и все прекратилось.

Я просидела, пялясь в кружку с остывшим кофе до самого утра. Я была разбита, и хотела, чтобы мне позвонили и

сказали, что я больше не участвую в проекте. Было так больно, хотя я была все еще жива. Но Брук, как будто оказалась у меня под кожей, заняла свою нишу там в моей оболочке вокруг сердца. И душила меня своим горем. Сколько таких личностей я выдержу? И сколько их там вообще? Они все страдали?

Провалилась весь день. К вечеру тишину квартиры разорвал звонок. Я на секунду зависла над дисплеем. Но повторный звонок настойчиво врезался в мои сомнения.

– Оливия, это Беатрис. Решила сама тебе позвонить. У меня радостная новость – мы ждем тебя завтра. Видимо, начальство ничем не напугать. Они запросили все материалы, даже захотели посмотреть видео с твоего датчика на планшете. Мне кажется, твоя реакция их еще больше заинтересовала. Ты же придешь завтра?

Я облокотилась на стену, из глаз выкатились две крупные слезы. Я, задержав дыхание, промычала в трубку: «Угу».

– Ты в порядке, Оливия? – обеспокоенно спросила Беатрис.

Я вытерла слезинки со щек и выдохнула: «Я справлюсь. Я хотела спросить, возможны галлюцинации после процедуры?»

– А у тебя они были?

– Просто кое-что померещилось один раз, – сама не знаю, почему я решила ей все не рассказывать.

– Расстройство сознания возможно, но массивные гал-

люцинации не наблюдались. Если что-то померещилось, думаю, это пустяк. Просто нервы, и первичное отторжение организма. Завтра за тобой заедут в 10. Хорошенько выпись, – и она отключилась, не дождавшись ответа.

Утром я не хотела открывать глаза до последнего. Мне снились сны, я не могла их уловить, но они были яркие и волнующие. Встала в половину десятого. Собиралась медленно, хотелось опоздать, показать, что не живу я по расписанию этих слишком много думающих о себе ученых. Настроение паршивое, и погода как будто отозвалась на это состояние. За окном – дождь. Надела серый свитер, джинсы, не успела я заплести косу, как мне позвонили – уже ждут. Смотрю на часы – 9:59. Поразительно.

За мной приехал не красавчик, что меня огорчило. Он был отличным источником информации. Но, видимо, раз ученый, он занят более важными делами, чем возить какую-то подопытную. Все по тому же плану, быстро добрались до места, как-то смутно я прошла внутрь здания, и устало уселась на свое место. Подняла глаза на остальных – все бодры и оживлены. Спортсмен что-то живо обсуждал с фотомodelью Мари. Тут я наткнулась на взгляд Пола. Он откровенно рассматривал меня. Я отвернулась и уставилась на Люси, которая выглядела тоже усталой.

– Тяжелые деньки? – спросила я.

Она испуганно взглянула на меня, потом неопределенно пожала плечами. Мы продолжали ждать непонятно чего. На-

конец, вошел Мартин, все заерзали на стульях.

– Простите, что заставили вас ждать. Просто еще один особый участник проекта опаздывал. Дальняя дверь открылась, и вошел... Марк! Я чуть не вскрикнула. Он не изменился вообще, в моей голове мелькнула дикая мысль, что это и правда он.

– Это Себастьян. Он у нас доброволец, – Мартин усмехнулся.

Этот загадочный мужчина уверенной походкой прошел на свободное место прямо рядом со мной. Я и не заметила, откуда взялся этот свободный стул. Я откровенно уставилась на него. Темные волосы были зачесаны назад, темно-синий костюм тихо шуршал при ходьбе, на руке была внушительная золотая печатка, он был как с рекламы дорогого мужского парфюма. Его серые холодные глаза на секунду впились, вторглись в мое пространство. Он меня знал. Я была в этом уверена. Его холодная энергия окружила все вокруг меня, когда он сел слева от меня. Наверное, я выглядела как кошка, которую бросили в воду, съезжившаяся и с дикими глазами, потому что, подняв взгляд, напротив, я увидела на лице Пола вопрос.

Голос Мартина вернул меня в реальность, я постаралась сосредоточиться: «Сегодня уйдем еще немного дальше, но предупреждаем, вы снова попадете в день своей смерти. После этого мы позволим вам пожить жизнью вашей третьей сущности. Но сначала вы должны успешно пройти сего-

дняшний тест. Показатели вашего организма для нас очень важны. Напоминаю вам всем, что вы должны разделять вас и ваше прошлое я. Держите свое сознание под контролем».

Кажется, он недовольно мельком взглянул на меня. Снова Генри раздал планшеты и шприцы. У меня вдруг неожиданно начали трястись руки. Я беспомощно начала искать глазами, кто мне поможет. Холодные глаза внимательно смотрели на меня: «Вам помочь?»

Я, как загипнотизированная, кивнула. Он пододвинул стул, и его ледяные пальцы сжали мою руку. Но я не отрывала взгляда от его лица и даже не заметила, как все вокруг начало растворяться, только серые глаза смотрели на меня из темноты.

Линда Райт. Вашингтон. 1982 год

Я посреди аэропорта. И меня зовут Линда. Я внутренне пытаюсь рассмотреть свой образ. Я высокая и подтянутая молодая девушка, возможно, занимаюсь спортом. На мне джинсовая юбка и заправленный в нее цветастый пуловер. Замечаю, что на мне плотные колготки, на ногах зимние сапоги, а в руках теплое пальто – на улице зима. Я нервничаю, что-то идет не по плану. Но мне самой уже легче быть внутри этого тела, я чувствую себя маленькой скрытой камерой. Я настраиваю разные углы внутреннего зрения и могу видеть подробности ее знаний и воспоминаний. Одно нелегко – отсутствие своих физических способностей, и я все еще не могу привыкнуть к этому, да и в голове так и сидят серые

глаза. Тут я понимаю – рейс Линды задерживают, и это ей не нравится. Она здесь уже полтора часа, и судя по всплескам недовольной энергии, она не любит ждать. Как и я. Меня удивляет тот факт, что моя прапрошлая я все равно имеет точки соприкосновения со мной настоящей. Не успеваю я задуматься об этом, как что-то громко начинает пищать. Линда достает какой-то немаленький аппарат, выдвигает из него антеннку и прикладывает к уху: «Линда Райт слушает».

Этого не могло быть, на том конце телефона я услышала голос Марка. Мое сознание забило в легкой истерике внутри Линды, но она, конечно, не могла бы это почувствовать.

– Келвин, я не имею понятия, почему мы задерживаемся, скорее всего, из-за непогоды, сказали, что через 10 минут начнется посадка.

– Линда, пожалуйста, подумай, стоит ли тогда лететь в такую метель. Я могу подождать еще пару дней!

Его голос звучал очень заботливым, это был голос не Марка – расчетливого и хитрого. Это было другое амплуа. Я напряглась и попыталась вызвать в голове Линды образ Келвина. Если бы у меня было тело, то по лбу бы потек пот ручьем. Но наконец, я нащупала – лицо Марка, и Себастьяна. Он не меняется! Эту чертовщину я должна буду выяснить.

– Нет Келвин, я больше не могу находиться в этом городе. Все обсуждают меня за спиной, все знают, куда я бегу. Здесь не будет покоя, и еще несколько дней я не переживу. Хочу видеть тебя, быть с тобой. Начнем новую жизнь, как и меч-

тали, – в ее голосе звучал надрыв, кажется, эти двое что-то пережили вместе.

– Линдочка, я просто беспокоюсь. Но если ты настаиваешь, то я просто приеду тебя встречать чуть попозже. Будь осторожна, целую!

Линда склонилась над сумкой, убирая свой большой телефонный аппарат, когда кто-то коснулся ее плеча сзади. Она обернулась, и мы оба увидели милого молодого человека в очках, которые придавали ему немного неуклюжий вид.

– Гарри, что ты здесь делаешь???

Но глаза принадлежали не Гарри, а Полу. Происходило что-то дико странное. Эти двое второй раз влезают в мою судьбу, на место паники пришло чувство раздражения. Неужели он решил умереть снова вместе со мной, и вообще, как скоро это случится? На меня нападут террористы или я поскользнусь на лестнице и разобью голову??

– Я пришел снова попробовать тебя отговорить!

– Не начинай, пожалуйста, мы друзья, мне тяжело с тобой расставаться, но теперь я начинаю новую жизнь.

– Тебе не обязательно улетать, ты можешь перевестись в другой университет!

– Во Флориде меня никто не знает, а здесь на каждом шагу знакомые. Тем более там Келвину дают место. И вообще я думаю, мы переедем оттуда в другую страну в скором времени. У нас с ним есть планы.

– А если я скажу...

Он замялся, переступая с ноги на ногу. Объявили посадку на наш рейс. Я знала, что это наш рейс.

– Ну же, Гарри!

– Я в тебя давно влюблен!!! Мистер...Келвин испортит тебе жизнь!

Линду как подкосило. Она крепко сжала в ладони билет, и осипшим голосом сказала: «Ты должен был сказать это раньше. Намного раньше. Ты мог изменить наши жизни. Теперь, когда моя уже сломана, ты просто не имел право такое говорить!»

Она со слезами на глазах быстро направилась к нужному выходу. Я так хочу заставить ее обернуться, я хочу последний раз взглянуть на бедного Гарри, который был так не похож на Пола, который мне так понравился. Этот молодой человек не был сгустком какой-то сильной энергии, скорее, наоборот, в нем была милая незащитность.

Далее последовала долгая посадка в самолет. Я чувствую, что Линда в глубокой печали, некоторые импульсы ее тела бросали ее назад. Но она очень сильная, и, сопротивляясь сердцу, она гнала прочь мысли о том, что есть шанс переиграть все прямо сейчас. Я начинаю догадываться, что за история была у этих трех людей, но почему-то совсем нет желания копаться в голове у бедной Линды. Для меня намного интереснее осматривать все вокруг.

Больше всего меня удивил сам летный транспорт. Сейчас...то есть в мое время, такие, наверное, увидишь только

в музее или на картинке. У него есть крылья. И он стоит на земле. Не висит изначально в воздухе, а стоит колесами на земле. Зачем самолету вообще колеса? Внутри самолет был неудобным. Сиденья плотно прилегали одно к другому, личное пространство было вообще не предусмотрено. Проходы узкие, окна маленькие. Нас как будто загнали в жестяную банку.

Линда плюхнулась на сидение, и закрыла глаза. И тут произошло что-то странное. Она как будто увидела меня в своей голове. Или я увидела ее в своем сознании. Я не могла объяснить, что это было, но я четко видела нас со стороны. Мы были как два лица, смотрящиеся в зеркало и видящие и себя, и второе отражение. Но Линда не испугалась, она мне улыбнулась и приветливо кивнула. И тут мне показалось, что это была не Линда и не я, а кто-то третий.

Я не успела проанализировать всю картину, которую увидела, как Линда открыла глаза. Рядом с нами уселась женщина средних лет, она выглядела очень испуганной и сразу вжалась в свое кресло. Встретив наш взгляд, она выдавила улыбку и сказала: «Очень боюсь летать. Но вот невестка родила внука, так пришлось перебороть себя».

Линда понимающе кивнула и решила наблюдать за стюардессами, помогающими расположиться пассажирам. Погода за иллюминатором совсем не ладилась, мы еще долго сидели в непонятном ожидании. Крылья самолета было видно из моего окна, их уже довольно сильно припорошило снегом.

Линда вздохнула, и начала бессмысленно листать какой-то журнал, который лежал в специальном отсеке в кресле напротив. Я начала уставать, было тяжело держать контроль, продолжать сознавать нас с ней как отдельные части целого.

Лампочка сверху резко замигала и запищала над головой, это еще больше взвинтило, Линда же спокойно пристегнула себя каким-то не очень надежным, на мой взгляд, поясом. Женщина рядом сделала то же самое, еще и подергав его на всякий случай.

Мужской голос из ниоткуда сообщил нам данные о нашем полёте и пожелал приятного путешествия. Машина начала шуметь, потом медленно поехала... на колесах!! Я полностью отвлеклась от Линды, все действие заняло меня настолько, что я не замечала, как она взволнована. Спустя пару минут нашей езды, машина вдруг как будто оттолкнулась от земли и начала медленно подниматься вверх. Мне захотелось закричать, как маленький ребенок, от восторга. Линда повернулась к окну, из него был виден аэропорт. Машину слегка трясло, я посчитала, что так и должно быть. Прошло всего несколько минут, как тряска стала совсем другого рода. Женщина рядом уцепилась рукой в подлокотник, костяшки побелели. И я поняла – вот оно. Сейчас случится. Все произошло резко и внезапно. Нас потрянуло, свистящий звук режущий слух, удар, Линда вскрикнула и ударилась головой об окно. Мы потеряли сознание, очнулись в чем-то обжигающе холодном. Что-то прозрачное, неприятное, засти-

лало глаза. В области головы был, наоборот, пожар. Хотелось кричать, но воздуха не было. Мы в воде, поняла я, но не Линда. Она боролась, отчаяние охватывало ее волнами. В голове билась мысль: «Так не должно быть».

Я так хотела успокоить ее, погладить по голове и укачать на волнах. Я чувствовала, что ей только кажется, что она борется, но ни одна часть ее тела уже не двигалась. Она медленно тонула. Мне нужно было выбираться, но тут я поняла, что не могу себя вытолкнуть из тела. Нахлынула паника, я как будто билась в закрытую дверь, пытаюсь вернуться в свое сознание, но Линда вцепилась в меня. Она мысленно кричала, мне становилось страшно, темнота и глухота накрывали нас, но мы не отключались. Мне плохо... я не хочу оставаться...

Оливия Браун. Нью-Йорк. 2032 год

Фуууух...я могу дышать...где я?

На глазах еще была пелена, кто-то холодными пальцами вцепился в запястье, белый халат...неужели опять?

– Беатрис?

Я знала, что она меня спасет.

– Беатрис, уведи меня

Я надеялась, что белый халат это именно Беатрис, и все поверят, что я в порядке, раз могу ее узнать. Холодные пальцы разжались, теплая белая рука приобняла меня за плечи и повела куда-то. Пелена с глаз не сходила, и когда я по шуму поняла, что рядом никого нет кроме белого халата, я сказа-

ла: «Я ничего не вижу, ты можешь мне помочь?»»

Халат зашумел баночками, потом прикрыл мне глаза и завязал сверху прохладной повязкой.

Шепот: «Отдохни немного, я скоро вернусь».

Я откинулась на место, где предполагается должна была быть подушка. Неожиданно ощутила что-то соленое на губах...ох да я вся в слезах. Представляю, какое зрелище я всем устроила, просто замечательно.

Дверь скрипнула, и я встревожено спросила: «Беатрис?»

– Нет, это Пол. Я решил проверить тебя, ты выглядела совсем разбитой.

– Подходящее слово для моего случая. Ты ведь знал меня и там! Все еще не хочешь встряхнуть тут всех, чтобы выяснить, что за чертовщина? Два раза это уже не совпадение!

Я приложила руку к повязке, подумывая ее снять, потому что разговаривать с темнотой не доставляло мне удовольствия.

– Не снимай, думаю еще рано.

Я почувствовала тепло рядом с собой, он сел так близко.

– Как ты умер?

– Я был на мосту в тот момент, все видел. Ваш самолет упал в реку, многие были еще живы. Я бросился в холодную воду, воспаление легких и через неделю я умер в больнице. Мне пришлось изрядно покопаться в мозгах этого парня, я ведь был с ним только в больнице, но почему-то чувствовал, что снова будет связь. Решил проверить и все выплыло. Я...

он очень тебя любил.

– Не меня, а Линду.

За дверью послышались шаги.

– Еще увидимся.

– Но...

Теплый голос Беатрис пришел на смену голосу Пола: «Можешь снимать».

Я сдернула повязку, поморгала пару раз, и белый халат превратился в обеспокоенное лицо.

– Что, черт побери, опять произошло?

– Это я вас всех хотела спросить! Я, как ты и советовала, напрягла все силы, чтобы отделиться, а она...не могу это объяснить, но чувство было, будто она за меня пальцами схватилась.

– Теперь они интересуются тобой еще больше, хотят наблюдать за тобой отдельно.

– Отдельно? Нет, я хочу с...группой.

– Или с тем красавцем, – Беатрис расслабилась и улыбнулась.

– Каким? – я подумала, неужели она заметила Пола.

– Новеньким, он так за тебя схватился, когда ты выскочила, и так смотрел, казалось, он тебя сейчас подхватит на руки и умчится с тобой в дали, – Беатрис расхохоталась.

– Ничего такого не заметила, – скромно ответила я и направилась к двери, на выходе обернувшись, – скажи им, пожалуйста, что я не хочу сидеть как лабораторная мышь в их

кабинетах вся подключенная к датчикам, еще и одна. У всех нас равные условия, тем более вы сами меня нашли, я вам ничего не должна.

Это было очень смело, мой дневник все еще компрометировал меня, но я знала, что с этими людьми должна вести себя уверенно.

Нетвердой походкой я устремилась на выход, мне нужен был кислород, я решила до дома пройти пешком. Но как только я вышла из здания, меня ждал сюрприз в лице Себастьяна.

Что же делать, как себя вести? Нужно сделать непроницаемое лицо, будто я совсем его не знаю, не смотреть на него. Я уже почти повернула в сторону улицы, как он заметил меня и окликнул. Знает мое имя! Я повернулась: «Извините, вы меня звали?»

– Кажется Оливия здесь одна, – он усмехнулся.

– Могу как-то помочь? – я совершенно не собиралась поддерживать его расслабленный фамиллярный тон.

– Вы, кажется, сегодня перенервничали, я хотел пригласить вас на ужин.

– Именно меня? Потому что именно я перенервничала? Не думаю, что это хорошая идея, я собиралась прогуляться, мне нужен свежий воздух, моя смерть была пресквернейшая, – я снова повернулась в сторону улицы, но он не отступил.

– Тогда я, может быть, вас провожу? Вам не стоит идти

одной.

Мне очень хотелось спросить его, не хочет ли он поделиться чем-то странным из сегодняшнего дня, но я лишь учтиво кивнула и зашагала, наконец, в сторону своего квартала, даже не оглянувшись на него. Посмотрим, не захочет ли он сам задать мне вопросы.

– Прекрасная погода сегодня.

– Угу, – я поражена. Он действительно хочет поговорить о погоде?

– Знаете, у этого города не самая лучшая планировка, недавно был в Вашингтоне, после войны там все разрушено было, его выстроили заново, там такая теперь свобода и простор. Они решили не строить высотки.

Вашингтон!!!! Он намекает.

– А я вот не выезжала из своего города никуда.

– Тогда эти путешествия в прошлые жизни отличная для вас возможность.

Сам навел на тему, отлично.

– Лично я не нахожу никакой пользы для себя в этом всем.

– Тогда почему же согласились?

Он остановился, и мне тоже пришлось затормозить. Он ждал ответа так, будто если он его не получит, никогда не сдвинется с этого места. Я сделала шаг навстречу ему и сказала: «У каждого есть свои секреты».

Мужчина кивнул, и мы, как ни в чем не бывало, снова пустились в путь.

– Не одобряю секреты, они копятся внутри нас и заполняют место, которое могло занять нечто более стоящее. Так мы лишаемся возможности наслаждаться жизнью, любить, познавать, а все из-за того, что боимся отпустить, всего лишь рассказать кому-то. Хотя есть и очень темные тайны, тогда такое бремя приходится нести. Тогда лучше пожертвовать чем-то, чем лишиться совсем покоя в жизни.

– Ого, у вас целая философия по этому поводу.

– Просто я знаю, как это хранить секреты, и некоторые из них очень темные.

Он скосил на меня взгляд, ледяные глаза, кажется, искали на моем лице свои ответы.

– Мы дошли, спасибо что проводили.

– Завтра мы свободны, можем быть, мы все-таки поужинаем.

– Простите, но предпочту отлежаться, – я отвернулась к двери, чтобы уже набрать код, как он сказал: «Надеюсь, вы мне отказываете не из-за того, что у вас уже запланировано с кем-то свидание».

Я развернулась, и неожиданно увидела его лицо в сантиметре от моего. Его льдистые глаза буквально поглотили меня.

Я сглотнула от волнения и прошептала: «Не беспокоитесь, я порядочная девушка и сообщила бы вам, если бы была занята, чтобы вы зря не старались».

– Так я могу продолжать стараться?

Я не знала, что ответить.

– Сочту молчание согласием.

Он сделал шаг назад, поклонился мне, развернулся, кажется, про себя усмехнулся и бодрой походкой направился к машине, которая, видимо, была запрограммирована следовать за своим хозяином.

Я дрожащими руками набрала код, промчалась по лестнице, снова набрала код и ворвалась в свою квартиру. И только тогда выдохнула, потому что, кажется, я забыла, как дышать из-за него.

Остаток дня я провела, стараясь вообще не думать об этом хаосе в моей жизни. Пила чай, листала какую-то книгу, сходила в душ, но какие-то призрачные мысли обо всем этом таскались неумно за мной. Спать я ложилась уже с ожиданием Линды, я хотела увидеть ее и знала, что в этот раз не испугаюсь так сильно и смогу сосредоточиться на том, что она мне покажет.

Как и прошлый раз, я проснулась от жуткого, пробирающего до костей холода. Открыв глаза, я увидела Линду. Сначала я подумала, что это Брук, так она на нее была похожа в темноте. Но одежда и отсутствие крови на лице, помогли мне узнать ее. В этот раз я протянула руку первой, с нетерпением желая увидеть, что она покажет.

Это была не та грубая встреча наших рук как в прошлый раз, а легкое рукопожатие, и затем я была уже не в своей постели.

А оказалась я среди десятков молодых людей, на них одинаковая форма, они все стоят толпой перед какой-то трибуной. Я не знаю, что это за действие, но Линда знает. Она взволнована и улыбается широко-широко. Тут кто-то касается ее плеча. Пол, точнее Гарри. Он в такой же одежде, что и я. Синяя мантия и темная синяя шапочка на голове.

– Привет! Меня зовут Гарри. Я подслушал твой разговор с подругами, мы будем учиться на одном факультете, решил познакомиться.

Если бы Линда могла, она бы улыбнулась еще шире. Она жмет руку молодому человеку и говорит: «Я Линда. Приятно познакомиться!»

Ее лицо расплывается, и я оказываюсь в библиотеке. Мне стоит большого труда отвлечь свое внимание от этого прекрасного места с сотнями и кажется даже тысячами книг на старинных деревянных стеллажах. Они сидят за столом над учебниками, Линда смеется.

– Знаешь, тебе стоит позвать на свидание эту Дженну! Нет серьезно, без шуток, вы прямо найдете общий язык.

Снова взрыв смеха от нее, Гарри насупил брови. Линда ущипнула его за руку и сквозь смех пробормотал: «Будете обсуждать модные тренды и свадьбы знаменитостей. Я знаю, ты тайно мечтаешь об этом».

С последующим взрывом смеха, она уткнулась лицом в стол, у нее была истерика. А он так на нее смотрел, казалось он готов вечно смотреть, как она смеется.

– Смешно тебе, да?

Он тоже начал хохотать, а затем стал ее щипать в ответ и щекотать.

Из-за большого стола в конце зала выглянула старая леди и грозно шикнула. Линда приобняла Гарри одной рукой и стала смеяться ему в плечо.

Резкий переход, и мы втроем в парке. Они лежат на расстеленном на земле одеяле.

– Я должен тебе кое-что сказать Линда, – шептал Гарри.

– Ты мне очень дорога, ты особенная.

– Да, ты тоже потрясающий друг, – воскликнула девушка.

– Друг?

– Ну да, кто же еще? – удивленно сказала она.

На Гарри не было лица, он побелел.

– Ты в порядке?

– Да, думаю нам пора домой, Линда.

Ох, как глупо получилось.

Затем быстрой картинкой какой-то шумный клуб и Линда с Себастьяном. Она пьяна и близко прижимается к нему, кокетливо что-то шепча.

Затем большая аудитория, Линда на первом ряду с Гарри. Входит Себастьян.

– Меня зовут Келвин Паттерсон. Новый профессор философии.

Он замечает Линду, та вся красная.

Гарри шепчет: «Тебе нехорошо?»

Она кивает, быстро встает и выбирается к выходу.

Следующая сцена очень четкая и светлая. И на мой ужас очень неловкая.

Линда абсолютно голая прижимается к Себастьяну, они оба лежат под тонким одеялом на роскошной кровати.

– Как они вообще могли узнать? Линда, я не понимаю.

– Возможно, я кое-кому рассказала. Я доверяла этому человеку, но видимо я совсем его не знала. Но ты же все исправишь?

Она приподнялась на локте и внимательно посмотрела на своего преподавателя.

– Единственное, что я могу, это увезти тебя. Если ты согласишься здесь все бросить, переедем на время в другой штат, а потом и в другую страну.

– Ох, Келвин, я тебя так люблю, – сказала она приторным голосом и страстно прижалась губами к губам Себастьяна.

Я зажмурилась и к своему счастью оказалась дома. Снова одна. Я подскочила к своему ноутбуку и набрала профессор Келвин Паттерсон.

Первой выдали газетную вырезку, написанную каким-то студенческим коллективом: «Профессор философии Вашингтонского университета Келвин Паттерсон подал в отставку в связи с громким скандалом, связанным с неформальными отношениями со своей ученицей. Как утверждают анонимные источники, они познакомились до того, как он начал преподавание в данном учебном заведении. Но декан

университета не считает это оправданием, тем более в связи с долгим утаиванием этих отношений. Но, по его словам, профессор сам подал заявление об увольнении и попросил не портить его карьеру и дать ему спокойно уехать и преподавать в другом месте. Примечателен тот факт, что ученица, чье имя настоятельно руководство университета попросило скрыть, тоже забрала документы. Видимо у этих двоих настоящая любовь, и мы надеемся, что эта скандальная для нашего времени история, выльется для них только счастьем.

Я хмыкнула.

Нажала на дополнительные ссылки и вылезла еще одна статья. Она явно была написана какой-то второсортной газеткой, так как совершенно не собиралась писать что-то о катастрофе, а сосредоточила своей внимание на этой уже не важной ни для кого истории.

«Вы все, конечно, помните этот скандал с совращением студентки Вашингтонского университета ее преподавателем профессором Келвином Паттерсоном. Этот мужчина влюбил в себя юную и еще малоспособную разумно мыслить девушку, и вот к чему это привело. Она разбилась в самолете, летевшем рейсом Вашингтон-Флорида. И возлюбленного, конечно же, с ней не было. Он якобы ждал свою любимую уже на месте. Остается примечательным тот факт, что после этого он исчез со всех радаров не только прессы. Его пыталась разыскать полиция, но по некоторым данным он как личность перестал существовать. Видимо его накрыла вол-

на стыда, и он решил сменить свое имя и фамилию. Но это должно стать уроком всем молодым девушкам, что взрослые дяди ничего хорошего вам не дадут. Вот вам худший вариант, когда вы думаете, что это ваша судьба, а на самом деле это всего лишь интрижка, за которую кое-кто даже отвечать побоялся»

Язвительный тон статьи вызвал у меня тошноту, и я отложила лэптоп подальше. Фактом оставалось одно – Себастьян, его личности, выглядящие его точной копией, после каждой истории бесследно исчезали. И ответы, как мне кажется, мог дать только он сам. Значит, мне все-таки стоит с ним встретиться. Но я совершенно не имела понятия, как мне теперь его найти. Я ведь не знала его фамилии. Но у меня есть номер Беатрис. На часах полчетвертого утра. До девяти утра, когда по времени она должна была идти на работу, я не спала, а смотрела в окно на летающие машины и слушала успокаивающую музыку. Ровно в семь я набрала ее номер.

– Алло, Беатрис, это Оливия! Ты же уже не спишь?

– Ну, твой звонок сработал отличным будильником. Что за срочность, что ты так рано позвонила?

– Мне очень-причень нужно узнать контактные данные Себастьяна, который новый в нашей группе.

– Все-таки красавец тебе приглянулся? – на том конце трубки послышался смехок.

Да, пусть думает так. Лучше ей не знать, что я вынюхиваю,

не тот уровень доверия.

– Конечно, какая девушка не купится на такой лоск.

Она продиктовала мне номер и пожелала удачи на свидании. Я себе ее тоже желала. Я подождала еще час, обдумывая свою речь, но, когда он ответил на звонок, я была ошарашена: «Я знал, что вы позвоните, таким девушкам как вы просто нужно время, чтобы все обдумать. Это хорошо, не люблю, когда все легко достается».

– Вы знали, что это я звоню?

– Чувствовал.

– Я звоню, потому что внезапно решила поболтать с Вами о том, о сем. Днем. За кофе.

– Тогда я подъеду за Вами через...

– Час. Мне хватит часа.

– До встречи, Оливия.

Мое имя в его устах звучало так ценно, как жемчужина среди тысяч обычных имен.

Это всего лишь утреннее кофе, я не должна давать никаких надежд. Хорошая мысль в моей голове. Но нарядилась я так, будто собираюсь женить Себастьяна на себе.

Легкая красная блузка, короткая прямая черная юбка, легкий макияж, но все-таки макияж, обязательно каблучки. Час пролетел ментально. Звонок в домофон застал меня в момент, когда я судорожно искала в шкафу свое весеннее пальто.

Я нажала кнопку: «Я уже спускаюсь!»

Вежливый ответ: «Хорошо, можете не торопиться».

Ну, конечно, он точно знает, что женщине никогда в жизни не хватит часа. Пшыкнула на себя духами, которые на удивление у меня были, и вперед. Так хорошо я не выглядела никогда. При моем образе жизни и интересах, молодые люди не звали меня на свидания, я была либо не интересна, либо не по зубам.

Его взгляд был оценивающим. Как будто у него были определенные ожидания. И он был удивлен. Но ничего не сказал, а просто кивнул мне в знак приветствия. Мы сели в машину, адреса он водителю не назвал, видимо, они обговорили все заранее.

Мы оба молчали, и это было необычайно неловко. Но видимо это чувство было только у меня. Себастьян чувствовал себя комфортно – сидел себе да смотрел в окно. Я откашлялась и сказала: «Я не лишком вырядилась для утреннего кофе?»

– Нет, поверьте, ваш наряд даже удивителен для меня, я встречал женщин, которые чуть ли не в вечерних платьях выходили к завтраку.

– Где же вы таких видели?

– В прошлом.

Загадочно, но я понимала, что еще рано начинать нужный разговор, так что мы так молча и доехали до места. Только вот кофе мы приехали пить не в кофейню за углом, а в какой-то шикарный ресторан.

В небольшом коридоре нас встретил администратор, он был одет в черный строгий костюм, на лице была маска серьезности. Вместо фамилии, которую мне так хотелось услышать, Себастьян показал какую-то золотую карту. Мужчина почтительно кивнул и провел нас в просто огромный зал, заставленный десятками столов, сделанных, кажется из какого-то дорогого дерева. И здесь не было никого, кроме официанта, который ждал нас у столика, расположенного около сцены. Как только мы сели, к роялю, находящемуся там, вышел пожилой мужчина, сел и начал играть завораживающую мелодию.

– Кажется, здесь не часто кто-то завтракает.

– Определенно нет, – улыбнулся Себастьян.

– Что желаете? – обратился к нам официант.

– Я буду эспрессо.

– А мне, пожалуйста, двойной.

– Любите покрепче?

– Я ценитель вкуса, поэтому предпочитаю, когда он максимально усилен.

Еще несколько минут молчания, пока мы ждали кофе. Я следила все это время за пальцами музыканта, которые порхали над клавишами.

Когда принесли кофе, я поняла, что больше молчать нельзя.

– На самом деле я должна вам признаться, что я позвонила вам не потому, что хотела сходить с вами на свидание. Я

хотела поговорить об эксперименте.

Себастьян нахмурился: «И что ты хотела обсудить?»

В горле у меня запершило, я взволнованным голосом спросила: «Вы видели меня в своем прошлом?»

Он молчал, прищурив глаза, смотрела куда-то сквозь меня, как будто там видел что-то не четкое, но очень важное.

– Я понимаю, как странен этот вопрос, глупо... я просто видела...

– Да, ты мое прошлое.

Я опешила. Прозвучало так, будто он знает намного больше, чем я или Пол.

– Себастьян, я видела тебя оба раза в своем прошлом. И ты не изменился ни капли. Внешне, по крайней мере.

– Хорошая генетика, как предположение.

– Так ты ничего не знаешь об этих совпадениях? Ты кажешься человеком, который в курсе всех дел этих ученых.

– И что тебе дает повод так думать?

Я выглядела нелепо. Я то ли обвиняла его, то ли в чем-то подозревала. На его месте, я бы ушла, оставив меня саму со своими вопросами сидеть здесь.

– Я ничего такого не имела ввиду...

– Знаешь Оливия, не на все вопросы есть ответы. Ты веришь в судьбу?

– Кажется, теперь начинаю. Хотя судьбу можно трактовать по-разному. Это может быть лишь ряд закономерностей, совпадений. Или предназначением. Высшей миссией.

Или игрой чего-то большего, чем мы все. Судьба неуловима, так что верить в нее сложно, но и не верить невозможно.

– Я хочу поймать судьбу.

Его рука коснулась моей. Прикосновение его пальцев было похоже на ощущение, когда касаешься замерзшего окна зимой, и они передавали как будто заряд тока, мою кожу приятно покалывало.

– Я очень близок к тому, чтобы не просто ее поймать, но и подчинить. Мне лишь нужно немного помощи. Потанцуем?

Он не ждал ответа, встал и, не отпуская моей руки, потянул меня за собой на пространство у сцены. Пианист нашел, казалось идеальную мелодию для танца, и мы медленно начали покачиваться.

– Ты всегда была красивой. Во всех жизнях.

– Во всех?

Он, как будто испугался моего вопроса, и его рука крепче прижала меня к нему.

– Я участвовал в этом эксперименте и до вас. Я видел больше. Я присоединился к общей группе лишь потому, что хотел увидеть тебя.

Я подняла голову и заглянула в его бездонные глаза. Я отражалась в них, и мне показалось, что-то мое отражение выглядит лучше, чем я. Он остановил движение, взял мою голову двумя руками и поцеловал. У меня перехватило дыхание, в голове зашумел прибой океана, в глазах заплясало пламя. После поцелуя он прошептал мне на ухо: «Я отвезу тебя до-

мой».

Я на нетвердых ногах направилась за ним. Но у машины я остановилась и спросила: «Мы далеко от моего дома? Я бы прогулялась».

– Минут тридцать, я провожу тебя.

Я не хотела отказывать ему. Теперь мне казалось, что я хочу ощущать этот покалывающий ток между нами снова и снова. Анализом этих чувств я решила заняться потом. Мы вели прекрасную беседу пока шли, я рассказала, где я работаю, он оказался любителем книг и сказал, что у него большая библиотека. Но о себе он старался не говорить ничего конкретного.

Когда мы дошли, я думала, он осмелится снова меня поцеловать, но он почему-то только грустно улыбнулся мне и просто сел в машину, которая следовала за нами.

Слишком загадочный.

Дома я присела на диван и глупо уставилась в стену. Я что начинаю в него влюбляться? Или эти чувства продиктованы, моими духовными подругами, которые из жизни в жизнь сходили с ума по нему? И эти вопросы про судьбу, и загадочные слова про прошлое. Я ему верю?

Пока я сидела и рефлексировала, за окном неожиданно начался дождь. На меня накатила усталость, и я так в наряде и завалилась на диван спать. Меня разбудил звонок в дверь. Чувствуя себя разбитой, я думала, что он мне только снится и сейчас замолчит. Но он продолжал настойчиво требовать

ответа.

Хорошо.

– Кто?

– Это Пол,пусти меня, пожалуйста.

Я машинально нажала кнопку, и только потом подумала, откуда он мог знать адрес. Открыв входную дверь, я увидела, как по лестнице ко мне поднимается Пол, а с него ручьем льется вода.

– Что??

– На улице жуткий ливень, можно я войду?

– Да, конечно, проходи, сейчас дам полотенца.

Он что ко мне пешком шел? Я протянула ему два полотенца. Он невозмутимо стянул с себя футболку, оголив свой торс, и начал активно вытираться.

– Не повесишь ее сушиться?

– Кого?

– Мою футболку.

Боже,какая я дура. Кого я еще могла тут повесить сушиться. Это все его пресс. Я схватила футболку и помчалась в ванную вешать ее на батарею.

– Так ты, что же шел ко мне пешком? – спросила я, вернувшись из ванной.

– Да, у меня денег нет. Неловко получилось, но я пошел прогуляться, и они закрыли лабораторию. Остался я на улице. А Беатрис говорила мне, где ты живешь. На случай если я бы захотел тебя проведать. Она почему-то решила, что я

захочу.

– Так ты хочешь остаться ночевать у меня?

– Прости, неловкая ситуация, но мне некуда пойти. Ты же меня не прогонишь?

– Я не...

– Я знаю, что ты встречалась с мистером Я очень богат и не хочу с вами всеми общаться.

– Это слишком длинное имя для него... и вообще откуда?

– Мы с Беатрис теперь друзья. Ты же сама хотела получать информацию, я работаю над этим. Ради нашего общего любопытства. Да и твой наряд, явно говорит о том, что ты провела день, не валяясь в постели.

Он улыбнулся. Его улыбка отличалась от улыбки Себастьяна. У последнего была хищная улыбка, будто он знает все о тебе и ему смешно, как ты пытаешься что-то скрыть от его глаз. Пол улыбался так, будто ты рассказал ему очень смешную шутку, и он ее слышит не первый раз, но ему все равно смешно.

– Так ты что-нибудь узнала?

Я совсем не собиралась рассказывать про поцелуй и всю ту бурю эмоций, последовавшей за ней.

Я села рядом с ним: «Только то, что он знает что-то. Ему нравится создавать загадку вокруг себя, просто так он ничего не расскажет. Но он почти прямо сказал, что видел ту же странную связь в наших прошлых встречах. Беатрис что-нибудь о нем говорила?»

Пол взъерошил волосы, как будто этим движением хотел всполошить воспоминания его разговора с Беатрис: «Она тоже темнит. Видно, что очень хочет чем-то поделиться, но не может из-за тех, кто стоит выше нее. Но некоторые секреты она мне доверила... Себастьян участвовал в эксперименте до нас».

– Я не понимаю.

Да он мне это говорил, но я ведь действительно ничего не поняла, потому что меня отвлекли поцелуем!

– Он тот первый подопытный. И я совершенно не понимаю, зачем он проходит это снова. Беатрис отказалась это обсуждать, намекнув, что он достаточно влиятелен, чтобы держать свои интересы в секрете даже от власти.

– Как я оказалась во всем этом? – я обреченно уткнула свое лицо в свои ладони.

– Оливия?

– Да? – ответила я, не поднимаясь.

– Я думаю, он опасен, я не друг тебе, но я защищал тебя и раньше от него, я бы хотел, чтобы ты была осторожна. Не нужно играть с огнем лишь из-за любопытства.

– Спасибо за совет. Но если я дойду до точки, когда больше не смогу находиться в этом мраке, я брошусь прямо в огонь. Ненавижу тайны, еще с детства.

Я встала и, молча, направилась в спальню. У двери я обернулась: «Постельные принадлежности в комод».

На утро Пола уже не было, он явно не хотел удивленных взглядов всей группы, если бы мы пришли вместе. Или я их совсем не хотела...

Хотелось выглядеть хорошо для Себастьяна. Как бы Пол не пытался убедить меня, что Себастьян темная личность, меня затагивало в эту пучину, и я не могла сопротивляться мыслям о нем, о том, как он на меня посмотрит, как его руки, хоть и холодные встретят меня вновь, когда я вернусь из путешествия. Я прихорошилась, как могла и с легким настроением отправилась на пытку.

Все были очень довольные. Я хотела сесть на свое обычное место, но на удивление рядом с Себастьяном увидела занятый стул. И кем вы можете подумать? Полом! Мне пришлось сесть аж напротив этой парочки, которые оба тут уже устали на меня, как будто пытаюсь послать мне какие-то сигналы. Я отстраненно устала в окно за их спинами, им обоим посылая свой сигнал, что я не довольна переменой дел.

Мартин вышел к нам очень счастливый. Его улыбка схожа с радостью ребенка, когда ему предложили конфету.

– Мы движемся дальше дамы и господа, – он произнес это громким торжественным голосом и окинул нас победным взглядом. Мои ладони даже зачесались, так мне захотелось похлопать от этого пафоса.

– Теперь мы отправим вас не в конечную точку вашей жизни, а закинем вас за несколько дней до этого. Вы смо-

жете пожить вместе с вашими прошлыми личностями. Предупреждаю, сыворотка более ударная, поэтому могут быть проблемы с выскакиванием, – он посмотрел на меня прищуренными глазами.

– От вас требуется предельная концентрация. И постарайтесь замечать все вокруг, даже за обзором вашего тела. Нужно получать максимальную пользу от эксперимента.

Мне было очень интересно, куда же попаду в этот раз, и я торопливо воткнула шприц. В последнюю секунду я уловила на себе два взгляда. Холодный – Себастьяна, и почему-то обеспокоенный – Пола.

Лоренца Альенде. Ньебла. 1960 год

Я стояла посреди зеленого поля. Этот цвет окружал меня, затягивал в свою глубину, и у меня кружилась голова. Мое тело смеялось. Я попыталась оглянуться, увидеть, что вокруг – немного усилий, и я заметила слева от себя виноградники, справа вдалеке множество фруктовых, как я подзревала, деревьев, среди которых не спеша прохаживались несколько человек, собирая какие-то плоды. Я начала кружиться, на мне была красная яркая юбка чуть ниже колен, и когда я кружилась, она раскрывалась ярким солнцем. На душе у этой девушки было очень легко, волосы развевались на ветру. Вдруг кто-то неожиданно с заразительным хохотом подскочил ко мне и подхватил на руки. Это был красивый загорелый юноша, с такими же черными волосами как у меня, тоже вьющимися и резвящимися на ветру. Глаза! Мне

нужно было заглянуть ему в глаза, чтобы проверить свою теорию. Так как девушка активно двигалась даже на его руках, то пряча лицо в его плечо, то закидывая голову и оглядывая зеленый мир вверх ногами, то мне пришлось сильно напрячься, чтобы сфокусировать себя отдельно от нее. Мне хватило полминуты, чтобы понять, что в глазах его я вижу Пола. Лицо было неузнаваемо – полные губы, слегка раскосые глаза, но внутри них был огонек очень мне знакомый.

Он нес меня сквозь поле к видневшемуся деревянному домику. Я спокойно к нему прижалась, смеяться перестала, меня вместе с моей второй я обволокло негой счастья. Когда мы приблизились ко двору, я поняла, что ошиблась. Это был не домишко, это был прекрасный двухэтажный дом, выкрашенный в приятный желтый цвет, причем краска хоть и выцвела, кажется от множества теплых летних периодов, но от этого постройка выглядел еще приятнее, уютнее.

– Мануэль, опускай меня скорее, кажется, кто-то приехал, видишь авто!

Мануэль...какое имя. Он опустил меня, но как только я легкой бабочкой хотела порхнуть к крыльцу дома, он схватил меня за руку и прижал к себе. Это был невинный юный поцелуй, лишь касание губ, но, как и должно быть в таком возрасте, все тело моей соседки покрылось мурашками.

– Нас увидит мой отец и снова запретит мне гулять, – она попыталась наморщить лоб, но на лице тут же расплылась улыбка.

– Лора, если он так сделает, я приду к нему и скажу, что я серьезно настроен!

– Ты уже пытался, – она погрустнела, сняла красный платок в цвет юбки с головы и повязала ему на руку.

– Лора, придешь, сегодня вечером, на костры? – он все еще держал ее ладонь в своей.

– Кто знает, – кокетливо сказала она, – ну ты можешь там с кем-нибудь позаигрывать.

Он засмеялся и, поцеловав ее в щеку, побежал через поле. Его белая рубашка контрастировала с его волосами, но все это имело какую-то таинственную плавную грацию и было в единстве с окружающей его стихией.

Я бесшумно проскользнула в прихожую, развернулась к резному зеркалу в деревянной раме небесно – голубого цвета и увидела себя... точнее Лору. Темные волосы струились волнами по плечам, я была загорелой, у меня были большие глаза, черные брови, верхняя губа неестественно была полнее нижней, поэтому она слегка поджимала ее. В этой девушке казалось, смешалось очень много крови, нельзя было точно определить какую-то одну специфическую черту, по которой ее можно было отнести к какому – либо народу.

Она услышала мужской грубый голос в глубине дома и тихо на цыпочках мы направились на звуки. Пройдя по коридору, мы остановились у арки в большую комнату. На диване спиной к нам сидел какой-то мужчина с идеальной осанкой. Он разговаривал с женщиной, который явно исполнял роль

хозяйина дома, скорее всего это ее отец. Я почувствовала любопытство девушки, она стала прислушиваться еще внимательнее.

– Мы рады вашему приезду, думаю, наше соглашение принесет всем сторонам только пользу.

Лора подалась еще вперед, но тут чья та легкая рука коснулась ее плеча. Подпрыгнув, она обернулась, сзади нас стояла милая женщина средних лет, очень низенькая, как будто пригнувшаяся от труда к земле, тоже очень загорелая. На голове у нее был белый платок, а поверх платья был накинут фартук с растительным орнаментом. Она поманила нас за собой и я, заглянув поглубже в голову Лоры, поняла, что это ее мать. Мы оказались в небольшой для такого дома кухне. Мать усадила дочь на стул и грустными глазами посмотрела на нее. Я понимала, что этот незнакомец в гостиной и этот взгляд, и речи о сделке не сулят ничего хорошего.

– Матушка, кто этот человек? Он по поводу урожая? Хочет покупать у нас?

Женщина отрицательно покачала головой. Как-то неловко смахнула невидимую пыль со стола. Я вглядывалась в ее лицо, как будто покрывшееся мукой из-за морщинок, белеющих на коже. Вся она была какой-то обратной копией дочери. Черты лица казались схожими, но были вывернуты наизнанку. Не было ни грации, ни легкости. Плечи были тяжело опущены, как будто она держала на них невидимый непомерный груз.

– Милая, ты же знаешь, как мы с отцом заботимся о тебе, как мы желаем тебе светлого будущего. И мы принимаем решения, которые ты сама можешь неправильно принять. Этот человек желает взять тебя в жены. И твой отец дал согласие.

– Не понимаю..., – сказала Лора растерянно.

– Он житель городской, может, поэтому ему захотелось взять жену простую, выросшую на просторе. И он очень богат, ты будешь жить в роскоши, тебе не придется больше работать.

– Как можно за меня такое решить? – воскликнула Лора. Ее руки дрожали, в глазах стояли слезы. Я тоже не понимала, как такое возможно.

Тут хлопнула дверь в прихожей, и на пороге кухни появился отец Лоры. Это был мужчина, чья фигура вся говорила о труде, в котором он живет. Он был высок, плечист, волосы с проседью были зачесаны назад. Лицо широкое и суровое. Брови как будто всегда были сдвинуты к переносице, что придавало его лицу грозный вид. Зайдя в кухню, он взглянул сначала на жену, затем на нас.

– Значит, все рассказала? Ну что ж поздравляю дочка, ты теперь невеста. Завтра устроим, так сказать, смотрины, познакомишься с женихом. А через неделю он тебя увезет в город, обживетесь недолго и свадьбу сыграйте. Все ладно устраивается, – он как будто не замечал ту трагическую сцену перед ним.

Лоренца вскочила и крикнула: «Я другого люблю. Я не

хочу, не мучай меня отец!»

– Кого ты там любишь? Этого бедного пахаря? Хочешь всю жизнь в земле копать подле него?

– Ты же сам фермер, как ты можешь так говорить!

– Не сравнивай, то, чем я всю жизнь занимаюсь, и твоего паренька. У меня хозяйство, на мне держится почти все село.

– Но как я могу быть с тем, кого не люблю?

Мужчина грозно стукнул по столу своей большой рукой.

– Хватит мне тут про чувства рассуждать. Мое решение в этом доме не обсуждается! Этот человек вложится в наш дом и поднимет уровень нашей торговли. У него есть связи, наш товар может начать расходиться лучше. Ты должна думать, прежде всего, о семье, и будь благодарна, что я устроил твою счастливую жизнь.

Лоренца рыдая, взглянула на мать, ища поддержки, но та, наклонив голову, смотрела в пол.

– Иди в свою комнату и обдумай все. А за то, что ты устроила тут истерику и решила перечесть мне, ты лишаешься ужина! До утра чтоб не видел тебя, а завтра, чтобы выглядела понаряднее, не хочу, чтобы этот человек подумал, что моя дочь простушка сельская. Вперед!

Мы поднялись, глаза застилала слезы, ничего не видно было. Вся в тумане девушка поднялась в комнату, на втором этаже дома. Упав на кровать, она свернулась калачиком, и в слезах начала засыпать. Мир для меня стал тухнуть. Через пару минут я оказалась в темноте, без тела, лишь я как чи-

стая мысль внутри нее.

Времени не стало, и я просто думала о всяком. Но тут внезапно появилось что-то. Это не было за пределами Лоры, это было внутри этой темноты. Девушка, освященная каким-то светом. И тут я почувствовала свое тело. Я могла двигаться, это было странно. Я медленно пошла навстречу девушке. Когда я подошла к ней ближе, мне показалось, что это Лоренца, и я подумала, что это возможно сон. Я ускорила шаг, а когда приблизилась к ней вплотную, увидела другое лицо. Она была моей копией, лишь какие-то слегка уловимые черты отличались. Я смотрела на нее, а она на меня. Я видела ее уже в голове Линды.

– Кто ты? – спросила я, надеясь получить хоть какие-то ответы.

– Я – это ты, – голос ее был моим эхом.

– Ты еще одно мое прошлое?

– Я – начало.

Она протянула руку к моему лицу, но за секунду до касания, все вдруг осветилось ярким светом, и я оказалась в комнате Лоры. Она проснулась, и еще не совсем понимая, где она, уткнулась лицом в подушку.

Но, казалось бы, вспомнив все, она вскочила на ноги, и так как и была после сна вся растрепанная, в помятой одежде она, открыв окно, полезла из него. Прямо рядом с ним росло большое крепкое дерево, Лоренца ловко схватилась за его толстые ветви, перелезла на него, а потом по нему же спу-

стилась вниз. Она помчалась в неизвестном мне направлении. Мир из-за этого бега для меня весь прыгал и скакал, волосы лезли в глаза. Она резко остановилась, когда на одном пригорке она увидела свет костров. Там было много молодых людей, парней и девушек, которые смеялись и танцевали, сами себе аккомпанируя песнями. Она увидела Мануэля в нарядной красной рубашке, он веселился вместе со всеми, отплясывая прямо подле огня.

Но, как будто почувствовав Лору, он остановился и нашел ее взглядом. Он подбежал к нам, лицо его светилось. Но заметив в глазах любимой слезы, вся радость сошла с него молниеносно.

– Что случилось? – обеспокоенно спросил он.

– Родной, ты так счастлив на этих просторах, я завидую твоей свободе.

Слезы полилась крупными каплями. Лицо Мануэля выражало вопрос.

– Не быть нам вместе, любимый. Не будем мы вместе вольно жить среди этой природы, не растить нам детей вместе, как мы мечтали.

– Твой отец тебе что-то сказал?

– Мой отец отдает меня другому. Теперь я чужая невеста. И мое сердце разбито, но я уеду спокойно, если ты мне дорогой скажешь, что тебе легко будет меня забыть, что жизнь твоя будет так же полна света и без меня.

– Что ты такое говоришь?

– Скажи мне это, отпусти меня. Надо было нам тайно венчаться, как хотели, а я глупая передумала. Думала, что все получится, а у меня за спиной уже стояло тогда несчастье.

– Так давай сбежим сейчас!

– Куда мы побежим? У тебя здесь мать с младшеньким.

– Я подкопил денег, и она какое-то время не будет нуждаться, а потом я устроюсь где-нибудь и начну высылать ей. Побежим в город, там на завод какой пойду. Я все сделаю, чтобы быть с тобой!

Лоренца кинулась ему на грудь, уткнувшись в нее, она улыбалась сквозь слезы. Я очень хотела узнать, что она ответит. Вдруг она не решилась перечить отцу. Я было уже хотела заглянуть ей в мысли, но меня какой-то грубой силой вытолкнуло в некий ослепительный свет.

Оливия Браун. Нью-Йорк. 2032 год

Комната начала приобретать мягкие очертания, рядом стояла еще размытая фигура Беатрис, она явно готовилась к другому исходу. Но сегодня я прекрасно себя чувствовала. Я как будто стряхнула с себя невидимое покрывало, проморгалась и широко улыбнулась. Беатрис с подозрением прищурилась.

– Все хорошо?

– На удивление, да, прекрасно себя чувствую.

Я огляделась, в комнате кроме меня, других подопытных не было.

– Что все уже закончили?

– Уже как час назад, поэтому я и пришла с медсестрой.

В тени дальней стены я заметила девушку, сторбившуюся, стремящуюся быть максимально незаметной.

– Пойдем, я возьму у тебя кровь на анализ и отпущу.

Мы провели стандартную процедуру, и я легкой походкой выбежала из этого давно меня угнетающего здания.

Я хотела увидеть Пола, спросить его, чем же в итоге закончилась эта встреча. Но вместо него я увидела Себастьяна. Ну что ж, к нему у меня тоже были вопросы, поэтому я уверенно направилась ему навстречу.

– Сегодня ты задержалась? Все хорошо?

– Ты не поверишь, просто прекрасно себя чувствую. Я хотела пригласить тебя на чашечку чая к себе.

Он удивленно поднял одну бровь, а потом вдруг расплылся в мальчишеской улыбке.

– С большим удовольствием.

Доехали мы быстро, но молча. Иногда я поглядывала на него, и видела какую-то игру мысли внутри его головы, как будто он беседовал сам с собой. Иногда он ловил мой взгляд и тогда неловко отворачивался к окну, за которым проносился живой и наполненный город. Я удивлялась перемене его амплуа, как легко чашечкой чая я сбросила с него маску самоуверенного мужчины.

Когда мы доехали, и я начала открывать дверь, я почувствовала, как он близко стоит сзади, его дыхание было холодным! Руки у меня задрожали, я вдруг испугалась свое-

го же предложения, ключи выпали из рук, но он ловко их поймал и быстро открыл нам дверь. Я выдавила неловкую улыбку, промямлив что-то про то, что видимо это запоздалый эффект сегодняшнего путешествия. Он кивнул и уверенно прошел к дивану, сел и с ожиданием посмотрел на меня. Я уставилась на него в ответ, как будто это не я вся такая окрыленная пригласила его к себе домой, мне кажется я даже забыла под каким предлогом я это сделала.

– Я предпочту кофе, если можно.

– Что, прости?

– Вместо чая. Я бы выпил кофе. Ты в порядке?

Ноги подкосились, мне стало дурно, я как-то стала проваливаться в ватную пустоту, но он тут же подскочил и подхватил меня. Усадив меня на диван, он сказал, что сам справиться.

Я сидела как в тумане, пытаюсь разобраться от чего я так напугана. Я же сама позвала его... а если этот страх не мой? Может, прожив целый день по соседству с чужой душой, я что-то захватила с собой?

Он подал мне чашку зеленого чая и сел рядом со мной, очень близко, его нога коснулась моей, заряд тока пронесся по мне, руки снова предательски задрожали. Я, собрав все силы, быстро глотнула обжигающего чая, тепло разлилось по телу, и меня слегка отпустило.

У меня из головы вылетели все вопросы, я помнила, что приглашала его, чтобы тщательно допросить, но он отклю-

чил во мне все разумное, я теперь была одним мощным инстинктом.

– Оливия, мне нужно тебе признаться. Я не хотел бы тебя напугать этим, но я не хочу играть, по крайней мере в эту игру.

Я недоуменно посмотрела на него.

– Я испытываю к тебе чувства. И я хотел бы знать, есть ли у тебя ответные.

– Я...так многого не знаю о тебе. Ты так много скрываешь, ты можешь мне рассказать, что на самом деле знаешь об эксперименте?

Он зло ответил: «Не думай ты об этом, это не имеет значения! Если я буду знать, что ты не безразлична ко мне, я избавлю тебя от этого проекта, увезу куда пожелаешь, забудем все!»

– Ты не можешь мне такое предлагать! Тебе тоже ничего обо мне неизвестно. Мне ничего не нужно забывать!

Во мне бушевала буря, сердце бешено билось, мне, с одной стороны, хотелось ответить ему взаимностью, потому что меня действительно тянуло к его таинственной персоне. Но с другой – к горлу подступал страх, злость и даже совсем непонятно откуда взявшаяся ненависть. Все, что я видела там за стеной прошлого, давило, билось в голове, не давала мне покоя.

– Я знаю тебя!

– Опять непонятности, говоришь загадками, но хочешь,

чтобы я открылась. Я не могу доверять тебе, я видела тебя в каждой своей жизни точно таким же, ты не менялся. Смотрю на твое лицо и вижу человека, который рушил мои жизни.

– Что ты такое говоришь? Я был твоим возлюбленным в последних двух!

Шум в ушах достиг предела.

– Я знаю больше, чем может дать мне этот глупый эксперимент. Он просто раскрыл мне связь с моей душой! Я знаю, что ты подстраивал все, те отношения были фальшивкой!

– Это был не я...

Он резко встал, я посмотрела в его прямую спину. На секунду он немного пошатнулся, потом сжал кулаки, и молча вышел из квартиры.

Я сидела в шоке, в руке я крепко стискивала кружку чая. Я разжала пальцы и выдохнула, откинувшись на спинку дивана. Не могу понять, что это было. Ссора, которой просто не должно было существовать. Он признался в симпатии, но сразу пожелал иметь права на мои мысли и чувства. И как бы я не хотела все перевернуть и дать положительный ответ, я не могла переступить через что-то внутри.

Я, измученная, как будто какой-то битвой, свернулась калачиком прямо на этом диване, и заснула. Разбудил меня звонок в домофон. Мне казалось, что я прилегла всего на несколько минут, но яркий луч солнца из окна спальни дотянулся до меня в гостиной.

Нажала кнопку: «Кто?»

Бодрый голос красавчика удивленно ответил: «Оливия, еще спишь? Ты вообще-то опаздываешь»

Не хочу идти, но иду. Быстро умываюсь, провожу щеткой по волосам, переодеваю рубашку. Все равно выгляжу помятой. Не имеет значения. Сажусь в машину, красавчик смотрит на меня удивленно. Едем.

– Все в порядке? Беатрис говорила, что вчера ты отлично вышла, она радовалась этому прогрессу, как личному достижению.

– Видимо меня накрыло чуть позже, я пришла и с тяжелой головой легла спать – частично соврала я.

– Обязательно сообщи Беатрис, – серьезно сказал он, что выглядело нелепо, в сочетании с его внешностью елейного мачо.

– А ты можешь раскрыть мне один секрет? – раз я вчера упустила возможности получить действительно дельную информацию, сейчас было самое время, пока меня жалеют, выведать хоть что-то.

Красавчик улыбнулся, давая как бы разрешение на вопрос.

– Что известно о Себастьяне?

Молодой человек тут же нахмурил брови.

– Не стоило бы тебе интересоваться им. Но я вижу, как много ресурсов ты тратишь на это дело, так что имеешь право получить ответ на свой вопрос. Он был первым подопытным. В лаборатории поговаривают, что связан с теми, кто

сверху. Он знает то, что возможно даже не знает Мартин. Ведь Мартин был не всегда боссом. Этот проект вел сначала другой ученый, но он чем-то не угодил верхушке и исчез. Мартин решил не совершать тех же ошибок, и не стал больше задавать вопросы, зато вокруг всего построил еще большую ограду. Так вот этот Себастьян имеет большее влияние, чем Мартин. Ходили слухи, что он финансирует этот проект, один из инвесторов. Ну а самая абсурдная вещь, которую осмеливаются тоже иногда произносить, что, мол, он сам все это придумал, подал идею. Все, что о нем известно, что он безобразно богат, и его желание пройти эксперимент снова имело личный характер. Мы его побаиваемся, из-за него уже увольняли некоторых людей, да и знает он слишком много.

Красавчик остановил поток откровений и внимательно посмотрел на меня.

– Ты знаешь, что он был в каждой из моих прошлых жизней?

Молодой человек кивнул.

– Я научился не задавать вопросов и тебе советую.

– Просто слишком много загадок, я никогда не была в большей неопределенности.

Красавчик пожал плечами, как бы говоря, что с этим он не сможет мне помочь.

Настроение у меня было паршивое, и оно отражалось на моем лице, когда я вошла в зал. Села рядом с Полом, кото-

рый тут же наклонился ко мне: «Ты в норме? Вчера все хорошо прошло?»

Я кивнула. Немного помолчав, теперь уже сама наклонилась к нему: «Не хочешь сегодня остаться у меня?»

Он удивленно посмотрел на меня.

– Зачем тебе ночевать здесь? А у меня мы сможем все обсудить.

– Да, у меня тоже есть, что тебе рассказать.

Мое настроение слегка приподнялось из пучины злости и негодования.

Нам уже раздали шприцы, но Себастьяна не было. Возможно, я его задела, все-таки обидела. Суммируя все, что я теперь знаю, возможно, он увидел меня в первом своем эксперименте и почувствовал особую связь со мной.захотел найти меня, наверное, по его просьбе меня и искали. Может он чувствовал вину за прошлое. Конечно, открытым остается вопрос о подозрительной идентичности его внешности во все времена. Но разве нельзя допустить мысль хоть о чем-то сверхъестественном, являющимся за пределами науки. А я так жестоко на него напала, потребовала сразу обнажить душу и раскрыть все секреты. Я не могла уже сама понять права я или нет. Стоит ли попытаться исправить что-то или ждать его дальнейших действий? Ничего не понимаю.

Ввела себе жидкость, откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Пора вернуться к Лоренце.

Лоренца Альенде. Ньюбл. 1960 год

Я открыла глаза в комнатке, из которой сбежала вчера вечером. Лицо было, как будто стянуто пленкой, Лоренца начала тереть глаза, и я поняла, что она вчера много плакала. В дверь кто-то тихо постучался, а затем зашла старушка-мать. На ней было желтое платье, поверх которого повязан белоснежный фартук. В руках ее красовалось другое платье, я вместе с девушкой начала его рассматривать. Оно было изумрудного цвета, из струящейся плотной ткани, юбка была широкая и свободная, на талии был повязан черный пояс.

– Зачем мне такой наряд, мама?

– Твой жених уже совсем скоро будет здесь, быстрее вставай и одевайся, нет времени разлеживаться, – мать пыталась говорить это строгим голосом, но у нее это плохо получалось.

Лоренца зарылась лицом в подушку, что на какое-то время вырубил мне зрение, и просипела:

«Я не пойду, я же сказала, не согласна я, услышьте меня, наконец!»

– Кажется и отец вчера тебе все сказал, не упрямясь, ты будешь нас благодарить всю жизнь потом.

Девушка фыркнула, соскочила с постели, схватила платье и резкими движениями начала переодеваться, так что мне казалось, что она вот-вот порвет его. Когда она закончила с нарядом, мать нежно обтерла лицо девушки влажным полотенцем, затем пощипала ее за щеки, от чего девчушка засмеялась. Как только мать провела последний раз гребнем по гу-

стым волосам, внизу хлопнула дверь и послышались голоса.

Глаза женщины округлились, она начала говорить что-то несвязное, вышла за дверь, потом вернулась: «Спускайся скорее» и умчалась вниз.

Лоренца волновалась, у нее потели ладошки. Она не знала, как говорить с человеком, который ей не то что не мил, которого она презирает за то, что он решил, что можно купить ее. Я напряглась, мне нужно было знать, что же вчера было решено. Углубившись в ее сознание, я услышала голос Мануэля: «Увидимся на закате, нас никто не сможет остановить»

У них был план! Я ликовала.

Она спустилась вниз, шурша платьем, и прошла в гостиную, которая казалось, стала просторнее, видимо отец решил убрать какие-то вещи. Жених снова сидел спиной. В проеме стоял папа, грозно осматривая внешний вид дочери. Я остановилась и с мольбой взглянула на него.

– Он хочет с тобой познакомиться наедине, мы будем в кухне. Смотри, выкинешь что-нибудь, и этот брак покажется тебе лучшим, что я мог предложить. Слушай его внимательно, сама много не болтай. И ни слова про твоего фермера.

Он подтолкнул нас, и мы прошли к креслу рядом с диваном. Смущенная Лоренца опустила голову, поэтому я не сразу разглядела жениха. Но вот она подняла глаза, и я увидела Себастьяна. Ну, конечно, мне стоило догадаться. Уже закономерность. Он ведь мог вчера меня предупредить, все

рассказать, а он все в тайны играл. Если бы действительно хотел заполучить мое доверие, не стал бы скрывать это. Я была очень зла, и к моему негодованию примешивались и бурные чувства Лоренци.

– Мое имя – Сальвадор, – он наклонил корпус ко мне, желая взять мою руку. Но девушка сжала обе ладони в кулаки, безмолвно предупреждая, что не желает, чтобы он к ней прикасался.

Мужчина был взволнован, ерзал на диване, как будто ему было мало места, поправлял сзади себя подушки, и с горячностью поглядывал на свою невесту. Хоть лицо и было Себастьяна, но я каждый раз видела его разным.

– Вы мне напоминаете очень дорогого сердцу человека. Я даже не мог подумать, вы так молоды, и я понимаю, что вам может быть неприятен этот навязанный союз, я вас хочу уверить, я мир положу к вашим ногам.

Лоренца поджала губы.

– Отчего же вы молчите? Вы не хотите ничего у меня узнать?

– Хочу лишь спросить не противны ли вы сами себе, от того, что силой на себе жените меня, что буквально покупайте меня как товар, наживайтесь на простоте моего отца.

– Нет, нет! Я не хочу вас покупать, нам нужно лишь время, и вы узнайте, что такое счастье.

– Я уже счастлива! И это счастье не подле вас!

Лоренца вскочила, и, отталкивая руки Сальвадора, пыта-

ющеюся ухватиться за подол платье, побежала к двери. Выскочив на улицу, она как-то замешкалась, но тут же помчалась в сторону поля.

Все перемешалось для меня. Мое платье сливалось с высокой травой, волосы закрывали лицо, я чувствовала себя как в детстве, когда папа брал меня за руки и начинал крутить, голова кружилась, и мир переворачивался с ног на голову. Остановились мы только на краю лесочка, у маленького обветшалого домика. На пороге стирала белье женщина, у ее ног резвился малыш.

Она темными влажными глазами взглянула на меня, потом снова опустила голову к тазу, и прошептала: «Он в роще»

И снова бег, роща была недалеко от дома. Мануэль стоял со своими знакомыми, они яростно что-то обсуждали вокруг одного дерева. Он сначала не заметил меня, мое платье сливалось со всем вокруг. Наконец наши глаза встретились, он что-то отрывисто сказал приятелем, и подскочил ко мне: «Что случилось? Мы же договорились ночью...»

– Нет, нет, послушай Мануэль, он приезжал, и он серьезно настроен, я должна была сбежать. Нужно уйти сейчас, отец начнет меня искать, – дыхание мое сбивалось, слезы текли опять ручьем.

Тут внезапно мир как будто пошатнулся. Сначала мне показалось, что это у меня от бега. Но тут началась суматоха, со стороны поля раздавались крики. Толчки под ногами по-

вторились.

Кто-то с отчаянным криком подбежал с другой стороны роши и воскликнул: «Земля движется»

Мануэль схватил меня за руку: «Это землетрясение. Беги сейчас же домой. Спрячься в погребке, я позабочусь о семье и приду за тобой! Обещай мне, что выполнишь это!»

У меня тряслись руки, все тело сковал дикий страх. Мануэль подтолкнул меня, и я снова побежала. Тряска повторялась, каждый раз я падала на землю, но вставала и снова бежала. Дом был рядом, дверь нараспашку. Я снова упала в нескольких шагах от него. Руки разбила в кровь, устала – сил нет встать. Но Мануэль должен скоро прийти, я должна его ждать там, где он сказал. Я сначала встала на колени, потом на ноги, и последним рывком заскочила внутрь.

Новый толчок, дом ненадежно скрипнул.

– Мама? Отец?

Никакого ответа. Может пошли искать меня? Надо проверить наверху. Взбираюсь с трудом по ненавистной мне лестнице. Захожу в их спальню. Никого. Еще раз кричу. Толчок. Что-то скрипит. Я выхожу из комнаты, и тут мне навстречу летит потолок. Я вскрикиваю, пытаюсь успеть к лестнице. Кубарем с нее качусь, и меня накрывает второй этаж дома.

Лежу на полу, что-то придавило нижнюю часть тела. Дышать тяжело. Я вижу просвет между досками, тянусь к нему рукой, кряхтя: «Мануэль, Мануэээль!»

Чья – то рука в перчатке из коричневой кожи хватает ме-

ня за руку. Это не Мануэль, но меня можно спасти! Знакомая перчатка, я видела ее уже где-то. Я начинаю продвигаться вперед, но... что-то придавливает мою голову. Я пытаюсь кричать, но вместо этого лишь хрип. Я задыхаюсь. Мануэль, я больше не могу ждать.

Оливия Браун. Нью-Йорк. 2032 год

Я не уверена, что я знаю, кто я и где я. Красивая дама со строгими чертами лица, наклоняется к моему лицу и заботливо спрашивает: «Оливия как ты?»

Оливия? Но меня же зовут иначе.

– Я – Лоренца, – хрипло отвечаю я.

Лицо женщины удивленно отпрянуло от меня. Люди, сидящие в комнате на стульях полукругом, все удивленно смотрят на меня. Я в каком-то большом здании. Я уже в городе? Как я оказалась здесь? Голова болит.

Какой-то мужчина всех просит выйти. Женщина в белом растерянно разводит руками.

Ко мне подходит молодой человек, дама пытается его остановить, но он сбрасывает руку со своего плеча. Присел на корточки, и смело взял мои руки в свои. У него глаза знакомые.

– Оливия, возвращайся, ты не Лоренца, она умерла, уже очень давно умерла. А ты жива, я Пол, вспомни.

Я... помню тяжесть на моей голове, а потом я здесь оказалась. И я там была... гостьей.

Поднимаю глаза на Пола, по щеке льется тяжелая слеза.

– Я потерялась там, в какой-то момент я упустила контроль, перестала существовать. Я, рыдая протянула руки к Полу, мне было нужно тепло. Я не знаю, как так произошло, что я стала Лоренцой.

Пол повернул голову к Беатрис: «Позволь нам уйти сегодня без тестов, кажется ей нужен покой от всего этого, я побуду с ней».

Она лишь кивнула, все еще с лицом полным недоумения.

Пол помог мне встать, и мы направились домой. Когда зашли в квартиру, я попросила не включать свет, в темноте я неуклюже пробралась в спальню и упала на постель. Пол укутал меня всем, что нащупал в мраке. Я лежала в коконе, но не могла согреться.

– Ляг рядом Пол, я теперь как будто оторвана от своего тела. Тебя я хотя бы чувствую. Из темноты не было ответа, его фигура на секунду застыла.

– Пожалуйста.

Тогда он сдвинулся, лег рядом и развернулся ко мне лицом. Его глаза как будто слегка мерцали в темноте. Он стер с моего лица слезинку, видимо я не переставала плакать.

– Этот страх я не могу описать. Но теперь я знаю, как это быть никем. Не знаю, если бы не ты, может я бы не смогла вернуться. И вместо меня жила Лоренца. Может так быть?

– Я не знаю, Оливия, – прошептал Пол.

Наши лбы почти соприкасались, он был теплым, от него шли прямо волны тепла, и понемногу я начинала ощущать

себя.

– Пол, расскажи мне кого ты убил? Почему тебя ищет полиция?

Он молчал. Потом отвернулся от меня, его широкая спина, стала стеной, которой он хотел отгородиться. Там из-за стены раздался голос:

«Я убил своего брата. Он был игроком. Мой старший брат. Нас было трое. Он, я и сестренка. Пока отец был жив, мы были счастливы. Он работал на предприятии, однажды произошла авария, и он не вернулся с работы. Мы с братом были уже большие, оба пошли работать, сестра бросила школу, чтобы поддерживать жизнь в нашей матери. Я не знаю, наверное, мой брат был слабаком. Ему быстро надоела ответственность, он решил, что ему милее легкие деньги. Сначала незначительные ставки, потом все более серьезная игра. Однажды он исчез надолго. Мы были бедны, я отправился в посменную работу, меня не было дома неделю. Когда вернулся, застал нашу маленькую квартирку буквально с голыми стенами. Он начал выносить вещи. Мать плакала, сестра плакала, и мы не знали, где его искать. Он заявился внезапно, не ожидал меня дома застать. Начала отшучиваться, потом обещать крупные суммы, а потом потребовал у матери ее шкатулку с драгоценностями, которые ей дарил отец. Я попытался его остановить, началась драка, сестра кричала, мать просила нас остановиться, а я бил его, снова и снова, я был так зол на него, что он не помогает мне, я так устал от

его безрассудства. В какой-то момент я сильно ударил его об пол. Он как-то неловко поник у меня в руках. Я вспомнил, как он однажды упал с качелей, хоть он был и старший, но был меньше меня, я подбежал к нему, а он так беспомощно лежал. Я тогда так же его на руках держал, пока он не оклемался. Но тут его глаза застыли в неживом укоре. Сестра взвыла, мать схватила меня за руку, поднимайся сын, вставай, уходи. У меня на руках его кровь, а она меня выталкивает из дома. Сказала, что позвонит полиции через полчаса, дала мне время скрыться. С тех пор я научился прятаться, бежать. Ты же знаешь, полиция теперь тщательно ищет преступников, особенно убийц. Эти люди, мой последний шанс. Больше не могу бежать. Они сказали, что уладят все, что пока в городе за мной не будут охотиться. Но если я решу отказать, или прекратить без их разрешения, они усилят мой поиск. И, конечно же, найдут. Потому что у меня больше нет сил прятаться. Я хочу увидеть мать, сестру. Я не хотел его убивать, это произошло случайно. И я вечно буду себя корить за это, проклинать, что убил часть себя. Оливия, я тоже потерялся».

Я скинула с себя все одеяла, и вся прижалась к нему. Обхватила руками, я думаю он плакал, но я не заставляла его разворачиваться. Я поцеловала его в шею, затем приложила ухо к его спине. Сердце билось так быстро, у него был свой особый ритм. Под него я и уснула.

Эрнст Юнг. Морские воды близ берегов Польши. 1945 год

Все было как в кинофильме, я все видела со стороны. Сначала лицо мальчишки с испуганными серыми глазами, в которых как будто был шторм. Это были мои глаза на лице незнакомого мне мальчика. Лицо его было худое и белое, как будто обескровленное. Вокруг глаз зияли темные провалы. Все начало медленно отъезжать – я увидела, что он держит за руку невысокую женщину в каком-то безразмерном пальто и с большой сумкой наперевес. Мальчик все повторял, шевеля лишь губами, почти беззвучно: «Мама, мама, мама»

Женщина стискивала его руку и так же, как мантру все повторяла: «Все будет хорошо, хорошо»

Они были в толпе, она была жива и текуча. Люди толкались, давили, мяли, сносили своим потоком все вокруг.

И все они, бурной рекой стремились к огромному лайнеру, на котором витиеватыми буквами было выписано – Wilhelm Gustloff. На него веревками поднимались маленькие автомобильчики, солдаты с оружием расталкивали себе дорогу, грубо отпихивая простых людей.

Мать яро прокладывала путь себе и сыну, ни одно препятствие ее не останавливало. Она, так же, как и все толкала, давила и мяла. Все для того, чтобы она и ее ребенок были там, на лайнере, в безопасности, а я была уверена, что все эти люди стремились туда именно за этим.

Воспринимая все как сон, я с интересом наблюдала за продвижением этой маленькой семьи к трапу. Когда это случилось, они быстро начали двигаться на нос корабля, еще

больше расталкивая людей уже на борту. Оказавшись там, они плюхнулись на какой-то тюк, и женщина громко выдохнула.

– Теперь в безопасности. Скоро все наладится.

Она потрепала сына по голове, потом прижала его к себе и закрыла глаза. Женщина выглядела уставшей, измотанной, совсем худой, щеки впали, губы потрескались, веки лихорадочно подергивались.

Прошло еще много времени, до того момента, когда трап стали поднимать. Внизу еще оставались люди, много людей. Мужчины в военной форме отталкивали мужчин и женщин, кто-то успевал закинуть на борт детей, те кричали и плакали, военные хватали их, и стремились скорее поднять трап. Когда он был поднят, внизу оставалась та взволнованная река людей, я видела их, они сначала как-то все хором, казалось, начали завывать, стройно, в унисон. Лайнер зашумел, задышал и начал медленно двигаться. Тогда внизу, на причале вдруг воцарилась гробовая тишина. Десятки глаз вперились в удаляющиеся от них судно. Вдруг один за другим люди начали крестить воздух. Так безмолвные и верующие в лучшее для людей на борту, они скрылись из виду.

Я снова увидела мальчика, он слегка отстранился от матери и спросил: «Можно я исследую тут все?»

Она устало улыбнулась и кивнула. Он вскочил и уже отошел от нее на несколько шагов, как она снова его подозвала: «Только не долго Эрнст. Я буду ждать тебя здесь. И я очень

тебя люблю» Она поцеловала его в лоб, он скорчил мордочку и побежал, лавируя между людьми по палубе.

А людей было небывалое количество, они большими кучками сидели по всей площадке, было совсем мало место для прохода, но там, где оно было все время ходили, то женщины с красными крестами, вышитыми на одежде, то мужчины с оружием. Мальчик натолкнулся на одного из них, и тот весело потрепал его по волосам и пошел дальше. Вокруг царила атмосфера умиротворенной дельности.

Тут из неоткуда на мальчика выскочила девочка, в протертых на коленях штанишках и большом, не с ее плеча свитере. Она захохотала и как бы предлагая вступить в игру, побежала от него в сторону кают. Эрнст явно был любопытен, так что, конечно же, мы отправились за девочкой. Догонялки длились долго и весело, хоть и с трудом, так как повсюду лежали и сидели люди, но это создавало дополнительные увеселительные препятствия. Пару раз они менялись местами, но рано или поздно дети наконец устали, оба они были очень худы, даже можно сказать истощены, и такие долгие игры утомили их. Они скорее бегали на энергии от радости, что они здесь, в безопасности. Они, наконец, уселись где-то под лестницей.

Везде загорелись огни, был вечер, но мальчик видимо и думать забыл об обещании, данном матери.

Он робко спросил свою новую знакомую: «Ты здесь одна?»

– Да, мама сказала мне пробираться вперед самой, сказала, что я на месте смогу попасть в приют. Оттуда она меня обещала забрать.

Она подняла голову, и я увидела ее глаза, полные озорного блеска, так хорошо знакомого мне.

– Знаешь, думаю тебе стоит быть с нами. Моя мама будет не против, она у меня очень добрая, и она медсестра, так что мы сможем прокормить и тебя, пока твоя мама тебя не найдет. А чтобы все получилось, мы дадим объявление, что ты у нас – деловито сказал Эрнст.

Девочка, кажется, рада была такому плану и благодарно сжала руку мальчика.

Я видела уже не двух детей, а две невинные души, которых куда-то несла судьба, но они уцепились друг за друга, и будут держаться вместе, крепко сцепившись на волнах этого моря.

Неожиданно из динамиков по всему лайнеру затрещал голос, он возвещал о важной дате – 12 лет с прихода Гитлера к власти. Все вокруг затаилось, я не знала немецкий, но почему-то все понимала, как будто слушала ушами Эрнста. Голос подбадривал людей, призывал быть стойкими, люди смотрели друг на друга с каким-то печальным знанием на лице.

Вдруг раздался пронзительный свист, который казалось, слышала, прежде всего, я, потому что дети вдруг начали двигаться, как в замедленной съемке, медленно поворачивая свои головы в сторону палубы. Тут яркий жаркий свет озарил все, и весь лайнер покачнулся, закрипел как недоволь-

ный старик, и все резко начало двигаться слишком быстро.

Пронзительный крик, даже скорее визг заполнил каждый уголок судна. Навстречу детям, откуда– то из облака дыма вышел тот самый солдат, на которого наткнулся Эрнст ранее. Но только вот половины его лица не было, лишь один глаз безумно обшаривал взглядом все вокруг. Казалось он заметил детей, остановился, шатнулся в сторону, и упал, навзничь, протягивая к ним руку.

Тут же еще один взрыв, а затем еще. Эрнст не успевал пугаться, он закричал «Мама» и ринулся к тому месту, где оставил ее. Но он не смог сделать и пары шагов, как люди в панике начали сносить его. Кто-то ухватился за его футболку, это была его новая подруга. Она крепко вцепилась в него, и они начали прокладывать дорогу к палубе. Корабль начал проседать, откуда – то снизу слышались урывками вскрикивания.

Дети выбежали на нижнюю прогулочную палубу, полностью закрытую стеклом. Это была ловушка, понимала я. Вода вдруг хлынула из-за спин, и стремительно начала прибывать. Люди толкались, стонали и пытались разбить стекло. Я иногда теряла из виду Эрнста, но потом снова находила его безумные глаза среди безумия других лиц. Вода уже подступила к шеям взрослых, детей подняло вверх. Отчаяние неопишимо, когда люди продолжают биться в стекла. Тут один офицер резко бьет прикладом в окно, и всех выносит волной за борт.

Все бурлит, людей разносит вокруг, как морскую пыль. Но

Эрнст все еще держит маленькую ручку девочки. Они натываются на какой-то чемоданчик и хватаются за него.

Сначала дети не чувствуют холода, хотя я понимаю, что вода должна быть обжигающе ледяной. Эрнст лишь следит взглядом за лайнером, где он потерял мать, которую первый раз в жизни не послушался. Он же всегда делал, как она говорит, потому что знал, что она умная, намного умнее его. Я все это знала, как будто его мысли транслировались мне в голову. Так они качались на волнах еще много долгих минут, пока я не обнаружила, что они замерли. Я поняла, что они замерзли. Маленькие ручки сплелись на середине чемодана, с одной стороны головку положила девочка, с другой мальчик. Его пустой взгляд был устремлен в сторону лайнера, который вдруг весь озарился светом, и в последний раз осветил океан людей вокруг себя и ушел в пучину.

Оливия Браун. Нью-Йорк. 2032 год

Проснулась в холодном поту, не зная где явь, а где сон. В комнате было темно, поэтому несколько секунд я думала, что все еще сплю. Но потом услышала звуки с кухни, и поняла, что не сплю. Вскочила и побежала туда. Пол домовито готовил кофе. На мои шаги он обернулся и удивленно сделал шаг назад от меня. Представляю, какой он меня увидел, наверняка глаза выпученные, вся взлохмаченная и мокрая, еще и сказать ничего не могу, только рот как рыба открываю. Он быстро среагировал, всучив мне обжигающий напиток. Я быстро выпила, потянув его сесть со мной на диван.

– Я могу теперь видеть сама! – возбужденно воскликнула я, допив кофе.

Он удивленно приподнял брови.

– Я тебе кое-что не рассказывала. После вылазок в прошлое, я приходила домой, и уж не знаю, были ли это сны или галлюцинации, но я видела жизни своих прошлых я в больших подробностях. Беатрис говорила, что это возможно легкое побочное действие, но теперь я так не считаю. Думаю, я установила какую-то особенную связь с моей подсознательной памятью. И Пол мне снова приснились мы! Но это было не из тех жизней, которые нам показывали. Я сама смогла попасть дальше! – сбивчиво поделилась я.

– Почему ты так уверенна, что это был не сон?

Я не могла ответить на этот вопрос, и развела руками.

– Ну, тогда расскажи, что ты видела.

– Мы были детьми, но теперь я была мальчиком, а ты девочкой, – я улыбнулась. Он усмехнулся в ответ.

– Мы были на корабле, куда-то бежали, мы не были изначально вместе, встретились уже на лайнере. Это было военное время, времена войны с Гитлером, знаешь об этом?

Пол отрицательно покачал головой. Я не была удивлена, последняя война стерла все прошлые.

– Я думаю, мы можем проверить информацию в сети. Ты же что-то запомнила?

Я кивнула, и быстро принесла лэптоп. На несколько секунд я зависла, вспоминая детали, затем ярким пятном в со-

знании высветилось название лайнера – идеальная зацепка. Набираю: Вильгельм Густлофф. В это время Пол касается плечом моего плеча, я чувствую его теплое дыхание, но гоню мысли о том, как хочу повернуться к нему лицом и поцеловать его. Сейчас мы с ним на пороге большого открытия, вместе, и я буду даже это ценить.

Информации во всеобщей сети нет. Я озадаченно стучу пальцем по столу. Конечно, информации нет не случайно, все данные о войнах хранятся в архивах и библиотеках, после переделки властям не нужны лишние напоминания о жестокости прошлого. Но если...я захожу в базу своей библиотеки, логинюсь, и набираю в поисковой системе названия. Успех! Вся информация об этом лайнере собрана в один документ для работников библиотеки, как справочная информация, но этого нам достаточно.

Сухим голосом Пол начинается вычитывать фрагменты: «... германский пассажирский десятипалубный круизный лайнер... Спущен на воду в мае 1937 года...до начала Второй мировой войны использовался как плавучий дом отдыха... В сентябре 1939 года передан в военно-морские силы... в январе 1945 года затонул у берегов Польши после торпедной атаки советской подводной лодки...принимал на борту беженцев...около десяти тысяч человек на борту...по разным данным погибло от пяти до 9 тысяч человек, половина из которых были дети...»

Он замолчал, уставившись куда-то поверх экрана. Я по-

ложила голову ему на плечо, по щеке моей скатилась слеза. Чем дальше я видела прошлое, тем я больше убеждалась, какую цену платит человек за счастье. Что нельзя быть уверенным ни в чем, перипетии жизни, как падение с башни вниз, с надеждой, что внизу будет батут. Но я одного не понимала, зачем скрывать от людей такую информацию. Разве не лучше учиться на ошибках, знать, помнить и устранять причины которые привели к трагедиям прошлого?

Я думаю, мы еще долго могли бы так сидеть, каждый размышляя о своем, но мне уже начали приходить в голову идеи.

– Считаю нам нужно сделать паузу. Возможно, я смогу сама что-то теперь увидеть, нужно прекратить посещать встречи.

– И как ты предлагаешь избавиться от них?

– Ты позвонишь Беатрис и скажешь, что я все еще плоха, что ты поухаживаешь за мной еще какое-то время. Оба будем свободны хотя бы на неделю. Она не сможет нам отказать, раз мы и так много сил уже потратили.

– А почему я должен звонить?

– Ты же сам сказал, что налаживал с ней отношения. Тем более нужно быть убедительными, что мне действительно очень плохо.

Видно, было, что Пол сомневался в том, что Беатрис согласится, но набрал ее номер на панели связи.

Беатрис действительно была недовольна, она ругалась и

ворчала, предлагала приехать, но все же, в конце концов, сдалась, согласившись, что нам нужен перерыв.

– Теперь нужно выяснить, где Себастьян.

– Так он нам и дал все ответы...да и где мы возьмем его номер?

– У меня он есть.

Пол удивленно на меня взглянул.

– Что? Я тоже его обрабатывала, тем более его загадочность сначала привлекала, а не пугала – смущенно ответила я.

Теперь была моя очередь набирать номер на телефонной панели, но как же я была удивлена, когда мне ответил тонкий женский голос, который с уверенностью меня заверил, что это был всегда ее номер и никакого Себастьяна она знать не знает.

– Значит, он все-таки скрылся, я начинаю сомневаться существовал ли он – недоуменно прокомментировала я эту ситуацию.

Пол сжал мое плечо: «Ну, я тоже его видел, значит существовал. Но ответы он скрыл вместе с собой, значит, нам остается лишь отдыхать, спать и анализировать, то, что знаем»

Неделя шла медленно, из дома выходили только за покупками, и то, стараясь быть как можно незаметнее. Сны не давали ничего нового, мелькали старые картинки, которые уже скорее были сновидениями, чем видениями. Но мы все за-

писывали, рассуждали, спорили.

Однако самыми приятными минутами были те, когда мою квартиру охватывала ленивая нега. Мы сидели на диване, он читал с экрана книгу, а я наблюдала за ним. Иногда он поворачивался ко мне и улыбался. Порой мне хотелось оказаться в его объятиях, но я боялась спугнуть его. Да и вел он себя часто просто как друг, сжимал мое плечо, мило улыбался, шутил шутки, но ни капли не флиртовал. Иногда я вставала ночью и выходила пить, и бросала на него спящего минутный взгляд, потом кричала в себе в голове, что веду себя как маньячка, и вся трясущаяся от волнения бежала к себе в постель.

Но в конце недели все изменилось, мы смотрели какую-то программу, и вдруг я ощутила, что он смотрит на меня. В комнате было темно, но я повернулась и увидела его светящиеся глаза. Он не отвел взгляда, лишь положил свою руку на мою. У меня перехватило дыхание, тепло разливалось от этой руки по всему телу. Я не смела наклониться и поцеловать первая. А он не улыбался, наоборот пристально смотрел на меня. И вдруг зашептал, прежде выключив телеэкран и оставив нас в кромешной тьме: «Я думал все это время о том, что ты во всех жизнях была так недостижима для меня. Неуловима. Я всегда преданно тебя любил, а ты ускользала. Я на самом деле перестал осязать грань между другим мной и мной сейчас. Я изучал тебя, и каждый раз находил в тебе то сияние, которая ты излучала в каждой жизни. И эта неделя, я

успел убедиться, что те чувства, что испытывали они рядом с тобой в прошлом, абсолютно схожи с тем, что испытываю я»

Слезинка скатилась из моего глаза, ведь я тоже так много чувствовала, но не могла во всем разобраться. А сейчас поняла, что он прав. Что я понимаю и разделяю эту связь.

Его пальцы заскользили вверх по руке, по плечу, по шее, дотронулись до моей щеки, а затем он притянул меня к себе и поцеловал. В глазах мелькали блики, как будто кто-то решил зажечь там фейерверк. Я целовала его и весь мир в придачу. Ту ночь мы провели вместе в одной постели. И именно в ту ночь мне приснился новый сон.

В этот раз я понимала, что все это мне снится, ощущение одновременно реальности и ирреальности окутывала мое сознание.

Мне снова показался Эрнст. Он бежал по какой-то запруженной улице, рядом бежали еще мальчишки и несколько девочек. Все были веселые и раскрасневшиеся, смеялись и подначивали друг друга. Но в какой-то момент мальчик отстал от всех, завязывая шнурки. Потом снова вскочил, но, пробежав несколько метров, врезался в чью-то высокую фигуру. Подняв глаза, он увидел Себастьяна. Он не знал кто это, но глаза его выражали испуг. Мужчина схватил его за руки и зло посмотрел на него. Его лицо было осунувшимся, щеки впали, глаза горели нездоровым огнем, волосы были взъерошены. Пальцы сдавливали маленькие ручки мальчика, кажется, он желал что-то ему сказать, а может и уда-

ритель. Но также неожиданно он его отпустил, и, выдохнув, побрел дальше. Эрнст, потирая запястья, еще несколько минут смотрел на своего обидчика, но понимая, что лучше не связываться с взрослым, снова помчался по улице, удаляясь от меня.

Я проснулась от резкого звонка по телефонной сети. Сон сошел так быстро, как будто я и не спала. Рядом заворочался, но не проснулся Пол. Я поспешила ответить. В трубку я услышала задыхающийся голос Беатрис: «Оливия, пожалуйста, собираетесь и уходите скорее из дома, они все изменили, у них оказались свои планы. Они обманывали меня, многих, вы им нужны...»

Она не успела договорить, потому что в квартиру уже ворвались. Двое грозных мужчин снесли мою дверь, вошел красавчик. Я попыталась отступить, но двое схватили меня крепко за плечи. Еще двое вошли и прошли в спальню. Я услышала там возмущенные возгласы и звуки борьбы. Пыталась высвободиться, но их ручища, как змеи от этого сжимались еще крепче. Красавчик не проронил ни слова, лишь достал из маленького чемоданчика шприц с какой-то сывороткой. Приблизившись, он шепнул: «Извини» и вколол мне в шею эту жидкость. Я начала терять сознание, но не сразу отключилась. Видела еще, как тащат побитого Пола, он не переставал вырываться ко мне. Меня подняли как пушинку и куда-то понесли. Но уже было не важно куда. Я растворялась. Может я умираю? Я теряюсь. Темнота без единого про-

блеска. И кто я вообще? Я есть? Я?

Ангелина Волкова. Россия. 1916-1917 годы

Платье отливало на солнце, пробивающемся в окно рассветными лучами, небесно-голубым цветом. Как будто струящаяся ткань желала влиться в небесный поток. На подоле были вышиты не яркие, нежные цветы, подобные цветы обрамляли и декольте, и рукава. Шлейф вился длинной рекой. В волосы мои были вставлены жемчужины, сами же они были гладко убраны. Поверх лица моего чьей-то легкой рукой была накрыта кружевная кремового цвета фата.

Меня слегка трясло, но это от того, что я так долго ждала и мечтала об этом дне. Я отвеела себя от всякой грусти, и стояла у входных дверей, ожидая отца.

Вот его сильная рука подхватила мою, он сжал мою ладонь и под музыку мы вошли в церковный зал. Ничего не видела я сквозь кружева, поэтому как слепое дитя, меня вели навстречу моей судьбе. И вот я уже передана в другие сильные руки, но они отличались от отцовских, в силе была и легкость.

Церемония казалось, длилась вечно, ну вот ему позволено поднять фату. Как будто ветер подул, так легко и небрежно он сделал это, я ответила скромной улыбкой и потупила взор. Восприемники наши держали над нами наши венцы, и, воистину, я чувствовала себя царицей в этом храме. И в то же время я покорно склонялась на веки вечные перед мужчиной, которого любила всем сердцем.

Празднество длилось уже много часов. Я стояла на мансарде, устремив взгляд на широкую поляну. Люди подходили и поздравляли меня, я рассеяно кивала и улыбалась. Мой разум был затуманен другими мыслями, которые не могли дать мне насладиться торжеством. Николай, опьяненный счастьем, подлетел ко мне и поцеловал в щеку, обвив рукой мою талию.

– О чем задумалась, жена? – и лукаво улыбнулся.

– Коленька беспокойно мне, и ты это знаешь. Чувство будто пока мы веселимся, зверь дикий крадется в ночи. Преклонил он голову, ползет медленно, глазами зыркает исподлобья. Напасть еще не решается, но уже бросил в нас пару камней. А мы как нагие перед ним. И страх берет, что не совладать нам с этим порождением звериным. Страшно мне, до дрожи.

– Зачем ты омрачаешь этот день? Сегодня зверь не нападет, а завтра пусть хоть стаей всей нас растерзает, мы будем вместе, Богом соединенные навсегда.

– Нет, Коленька, в страхе рождается внимательность, стоит нам лишь чуток расслабиться, как он перегрызет наше горло, и зальет все кровью.

– Ну и ужасы ты говоришь, сразу видно жена писателя, так фантазия у тебя бурно живет. Идем танцевать Гелечка, дай жизни сегодня бить ключом.

И закружил он меня, завертел, голову потеряла я.

Это был декабрь. Сразу после свадьбы мы отправились в наши квартиры в Петербурге. Коленька стал что-то писать, лишь под вечер выходил ко мне с взъерошенными волосами и улыбкой. Я иногда посещала госпиталь, оказывая поддержку медсестрам. Но чаще я читала, сидя у окна. И часто ощущала с улицы какой-то ветерок, как перед бурей. Волнения, электричество в воздухе. Я за чаем, бывало, обращаю обеспокоенный взгляд на Колю, он нахмурит брови и скажет: «Не выдумывай»

Я только что отпустила горничную, и склонилась над своим маленьким списком, куда стоит отправиться в праздничные недели. Николая не было, отправился в свой мужской клуб. Должен вернуться под вечер, значит, и я могу отправить приглашение своей хорошей знакомой Полине.

Но тут зазвенел входной колокольчик, по упругим уверенным шагам я узнала мужа. Я встала, как будто ожидая какого-то удара. Он вошел в двери, бледный как полотно, в руках газета, губы ниточкой, ни вдоха, ни выдоха.

– Сядь.

Я покорно села. Он тоже сел прямо в пальто напротив. Шарф намотан кое-как, жилет расстегнут.

Его следующие слова застыли в воздухе комнаты.

– Распутин убит.

Я поднесла руки к губам, как будто проверяя, дышу ли

я. Мы оба устали в стол, как будто надеясь увидеть там ответы.

Распутина не любили, сплетни сбрасывались ушатами на нашу императрицу, но те, кто всегда были преданы царской семье, знали, что как бы неприятен был нам этот загадочный старец, он поддерживал драгоценное здоровье наследника. Я представила, как Александра Федоровна сейчас мечется и теряет с каждой секундой силу духа, как не верится ей, что кто-то может отнять надежду у больного ребенка.

Николай громко встал, ушел в прихожую.

Вернулся через несколько минут, думаю, он плакал, моя чувствительная пташка, он сердцем болел за нашу венценосную семью.

Прочистив горло, он сказал: «На праздники поедem в деревню, неже нам тут на балах скакать»

Я покорно кивнула, мы не стали это обсуждать, но это поселило в наших сердцах сомнения в вере.

– Куда ты так спешишь?

Я стояла растерянная у чемоданов, Новый год мы еще только проводили, но Николай вдруг пожелал вернуться в Петроград.

– Мне написали несколько писем, я должен вернуться, хочешь остаться здесь?

– Нет, я не останусь тут без тебя, но что за срочность, что писателям вдруг неожиданно понадобилось решать.

Коленька подскочил ко мне, сжал мои руки, и заговорил с придыханием:

– Ты была права, буря вот-вот начнется. Нужно стянуть силы. Все делятся на лагеря, где-то прячутся те, кто желают раздавить наши жизни. Сейчас мы должны писать, наши реакции поднимут все больше людей на борьбу с тьмой и невежеством. Интеллигенция должна сомкнуть ряды.

– Ты веришь в невозможное. Интеллигенция всегда была слишком вольна, и в то же время слишком узколоба, если ты прав насчет тьмы, то мы не сможем бороться.

Николай удивленно взглянул на меня, отпустив мои руки.

– Не узнаю тебя, не ты ли всегда верила в силу Царя и народа. Не ты ли говорила, что умом и разумом можно победить любую заразу.

Я ничего не ответила, лишь покорно начала собирать вещи.

По возвращении в Петроград мы узнали о грандиозной забастовке. Проезжая по улицам в тарантасе Коленька прошептал: «Началось»

Я перекрестилась.

Приближалась весна. Я редко выходила из дому, мое лицо и без того бледное, казалось, исчезало. Я вечно в какой-то тревоге нахожусь. Николай либо сидит в кабинете, либо куда-то стремительно уходит.

Вот так я сижу у окна, слышу отдаленные крики с улиц,

время обеда, но Настасья не приходит. Наконец скромный стук в дверь, заходит наша кухарка, она, как и я потеряла саму себя, раньше была видной раздавленной бабой, вечно румянец на лице, а сейчас синяки только под глазами.

– Ангелина Филимоновна, можно?

– Ну, конечно, проходи.

Я не спрашиваю у нее по какому поводу, знаю сердцем уже.

– Ангелина Филимоновна, сегодня на обед суп гороховый... без хлеба.

Смотрит на меня стыдливо.

Я киваю.

– А чай остался?

– Еще есть чуток.

– Ну, хорошо, Николая Федоровича я сама позову.

Она удаляется как тень, исчезающая после захода солнца.

Я встаю с ненавистного мне уже стула, иду в кабинет. Но Николай не за работой, он откинулся на диване, смотрит в потолок, по полу бумаги разбросаны.

– Коля?

Он встрепенулся, как будто застыдился своего безделья.

– Прилег подумать.

– Я по делу. Нам нужно распустить прислугу.

– Нам что нечем им платить?

– Есть, но нам нечего есть. И им тоже. В лавках пропадают продукты. Они должны заботиться о себе, а мы о себе. Тем

более кто знает, что у них на уме. Может, среди них революционеры зреют. А я и так в постоянном страхе. Я их распушу, если позволишь?

Он понурил голову, и прошептал «Да»

В тот же день всех собрала, никто сам не изъявил желания остаться. Только Настасья зашла напоследок, я улыбнулась ей, а она вдруг упала к моим ногам и зарыдала.

– Да сохранит вас Господь Ангелиночка Филимоновна.

Я присела тоже на колени, сжала ее бледные руки.

– И тебя Настасьюшка, береги себя.

Мама приехала из Москвы. Она села на стул, Коля налил ей чаю, она звучно отхлебнула, исподлобья оглянув и меня и моего супруга.

Поставив чашку, заговорила: «Мы уезжаем. Плыдем в Англию. Я и твой отец, еще несколько родственников. Вы знаете, что не безопасно здесь находиться, как и в Москве в прочем. Вы тоже должны ехать»

Николай стукнул кулаком по столу, я подпрыгнула, прижав руки к груди.

– Что – то вы маман быстро разуверились в нашем Царе!

Он встал и навис над ней.

– Николай... – осторожно окликнула я. Но он все так же злобно смотрел на мать.

– Конечно, тут беспорядки будут вершиться, когда опора Царя, отворачивается от него. Когда вы получаете привиле-

гии, вы и любить кого угодно будете, но только ситуация меняется, как крысы поджав хвост...

Мама повысила голос: «Я женщина, в политику не вдаюсь, хотя могла бы рассудить о войне, в которой мы оказались, но моя забота – моя дочь. И твоя тоже! Погубишь ее, я тебя прокляну»

– Ха, – воскликнул Николай, развернулся и выскочил. Понеслось стук парадной двери.

Мать протерла платком уголки глаз, оправила платье и встала. Наклонившись, поцеловала меня в лоб.

– Тебе, стоит мне только сказать, и я увезу от него несмотря ни на что. Сейчас узы брака для меня меркнут, когда я знаю, что в дом могут ворваться эти мужики и истерзать тебя...

– Нет, маман, я не уеду без него. Но обещаю совершить с ним разговор.

Она печально кивнула и удалилась. Я растерянно взглянула в окно, какой-то паренек пробежал с листовками в руках.

Что же будет...

Не уезжаем, сидим, как два волка загнанных в логово. Еда закончится – кто-то из нас выйдет. Каждый день ему талдычу, что стоит уехать. Он злится, ругается со мной. На ночь оба неустанно молимся, оба льем слезы.

Царь отрекся. Его брат отрекся. Гражданская война.

Николай ревет весь день как раненный зверь. Из кабинета доносятся его стоны. Я не могу больше находиться дома, меня душат стены, лицо императора и императрицы перед глазами. Я иду на рынок, умудрилась купить лишь рыбину, от которой уже попахивает, и яиц.

Люди все с дикими глазами, все друг другу мнятся врагами. Я спешу по дворам, глаза в землю, ни с кем не встречаться взглядом. Но тут меня кто-то хватает за руку, я в беспомощности пытаюсь отбиться, пока не замечаю перед собой знакомое лицо. Мужчина отпускает мою руку и хищно улыбается.

– Власов? Сергей?

Он кивает: «Не могу поверить нашей встрече Ангелина, я уж не думал, что увижу тебя в этот раз»

Я смущенно переминаюсь с ноги на ногу.

– Слышал, вы с Николаем теперь законные супруги. Что ж на свадьбу не позвали?

– Мы не знали, где ты, – попыталась я слабо оправдаться.

Он кивнул, все еще ухмыляясь, сказал: «Рад встрече, надеюсь, еще увидимся, я не последний человек теперь»

Многочисленный взгляд и вот он уже быстро зашагал в противоположную сторону.

Я мчусь домой, котомка трясется за мной, волосы лезут в лицо, приходится постоянно забирать выбившиеся локоны за уши. Громко врываюсь в дом. Большими шагами в кабинет. Коля сидит и что-то строчит, я прямо в пальто падаю у

порога. Лицо его испуганное тут же появляется у моего лица, он спрашивает, что случилось, а я мотаю головой.

– Он здесь, Коленька, я столкнулась с ним.

– С кем, родная?

– С Власовым. И в его глазах все та же обида, он не простил мне, что я выбрала тебя. И он сказал, что он не последний человек теперь. Он будет мстить, у меня плохое предчувствие. Мы должны уехать. Как можно скорее. Мне очень страшно.

Коля сел на пол и задумчиво устремил взгляд в стену. Вспоминает прошлое, наверное.

– Коля, мы уедем? Я знаю, ты ничего не боишься и веришь в нашу любовь. Но если останемся, уйдем слишком рано к Богу.

Муж резко встал, взял пальто и ушел.

Дверь скрипнула, я замерла с ножом в руках, которым чистила только что рыбу. Коленька вошел грустно улыбаясь.

– Завтра уезжаем родная, это наш последний ужин в столице.

Я заплакала горькими слезами, села на стул, руки опустились. Коля тоже со слезами на глазах взял нож и продолжил чистить рыбу.

Садимся ужинать при свечах, Коля где-то достал бутылку вина, надел костюм. Я надела бардовое платье, которое он мне дарил еще до свадьбы, а я все не хотела его надевать,

ждала случая. Едим молча, Коля то и дело сжимает мою руку.

Наконец он прерывает молчание, я давно заметила муки мыслей на его лице, и вот они прорвались: «Я не думал, что он отречется. Он ослаб. Но надежда в моем сердце не угасала. А теперь я не знаю, во что верить. Гелечка, как можно верить в Бога, когда его помазанник слаб духом»

Я наклонила голову, заглянув в глаза ему: «Бог ведет нас к счастью своими путями. Ты всегда был в одном прав, нельзя опускать руки, нельзя отчаиваться и терять веру. Она подпитывает наше будущее. Разуверишься и все рассыплется, как песочный домик без фундамента. Мы ведь временно уезжаем. Приедем на место, и все обдумаем. Если начнется война, я не буду противиться, отпущу тебя на фронт, но и сама за тобой пойду медсестрой. Но сейчас мы просто будем сидеть здесь, не зная, куда наша дорога повернет. А это опасно. Коленька на земле и на небе будем вместе...»

– И всегда будем оберегать друг друга, – закончил за меня муж мой.

Поужинав, предались мы любви, как в последний раз, каждый подарив другому всего себя.

Я складываю вещи, перебегая из комнаты в комнату, в поисках того, что уже давно лежала где-нибудь на глубине чемоданов. Николай вышел ко мне в пальто, я удивленно на него взглянула:

– Куда это ты?

– Билеты забрать.

Я всплеснула руками: «Я думала все у тебя!»

– Нет, я должен забрать их у одного человека, он достал их мне только этой ночью.

Я деловито кивнула, подошла, поправила его воротник, поцеловала в щеку. Он улыбнулся мне, прижал к себе: «Скоро все закончится»

Когда он вышел, я окрестила его ушедший дух.

Я не замечаю времени, кружусь, как пчелка, то присяду, грустно вздохну, подопру рукой горячий лоб, а потом как ужаленная вскакиваю и продолжаю метаться по дому.

Но тут какая-то тревога меня как будто рукой задела, я оглянулась вокруг, и в поле зрения попали часы. Николая не было уже два с половиной часа. Я как-то боязно вышла в прихожую, как будто ожидая его шагов. И как будто по волшебству услышала их, но не Коленькины это были шаги. Несколько пар сапог громко топали по лестнице. Я замерла, затаила дыхание. Я подпрыгнула от разорвавшего тишину коридора стука в дверь. Сделаю вид, что никого нет.

Дверь заскрипела, я хотела юркнуть в комнаты, но дверь уже была снесена чьим-то крепким плечом, а на пороге стояло двое мужчин в болотных рубашках, а по среди них Власов с фуражкой, надвинутой на самые глаза. Громким голосом он возвестил:

– Волкова Ангелина Филимоновна вы арестованы.

Я сделала шаг назад, натолкнулась на косяк и удивленно пролепетала: «За что же меня...»

– Измена родине.

– О какой измене речь?

– Скоро узнайте, пройдемте со мной гражданка Волкова.

– Я должна дожидаться мужа.

Один из солдаток оскалил зубы и просипел: «К вашему мужу уже применили карательные меры» И провел большим пальцем под горлом.

Господи... мир уходит из-под ног... чьи это цепкие холодные руки меня тянут вверх, не надо, хочу забыться... Коленка... где же ты...

Проснулась в большой кровати, в том же платье, волосы мокры от пота, пальцы сжаты в кулаки. А в груди как будто пусто. Сердца больше моего нет. Полегло вместе с Коленкой. Изверги убили ни за что. Тяжелую голову приподнимаю и вижу на стуле темную фигуру Власова – спит. Бездумно соскальзываю с постели и на цыпочках крадусь к единственной двери в большой комнате. Дергаю ручку – закрыто.

За спиной голос: «Тебе лучше быть здесь сейчас»

Я разворачиваюсь и фурией лечу на это чудовище. Руками пытаюсь схватить его горло, но он легко сжимает меня в своих лапах. Прижимает насильно мою голову к груди и начинает укачивать: «Ну что ты дурочка. Я тебя спасаю, верь мне» Я всеми силами отстраняюсь и злобно рычу: «Что же

ты Коленьку не спас?! Сам, наверное, убил его, руками этими грешными!»

– Мне его незачем спасать, скоро началась бы война и он бы все равно погиб, писака доморощенный.

Он толкнул меня на кровать и направился к выходу, говоря: «Будешь сидеть здесь, все, что нужно принесут, скоро поедem в Москву»

И все. Остается мне здесь сидеть и грудь рвать от боли.

Дни тянутся как пружина. Я уже не помню, когда разговаривала. Сначала я читала молитвы вслух, но один солдат пригрозил мне прикладом. Власов не дает мне терять силы, кормит, заботиться, поддерживает жизнь, как у растения. Я начинаю привыкать, как автомат живу.

Сергей торжественно вошел в комнату: «Завтра едем в Москву. Там заживем. Думаю, сделать тебя своей женой, так мне будет спокойно. Ну чего сидишь на полу, опять свои молитвы читаешь, иди сюда обниму»

Ручища тянутся ко мне, лапают мою невинную душу, сле- за скатывается по щеке моей, благодатно орошая лицо мое.

– Пойду, позабочусь об обеде, скоро вернусь.

Возвращайся мой муж, каким тебе никогда не стать. Ибо я решила отправиться к тому, кто предназначен мне Богом. Только этот выход мне подсказал Отец наш небесный. Я давно припрятала ремень, который остался от хозяев этой квартиры. А я точно поняла, что и здесь когда-то жила такая же

семья, как наша. И я была здесь на приеме одном. Я узнала по украшению дверей дом Филипповых. Они тоже сгнули. Всем нам остается лишь кануть в небытие. Я поставила стул, подтянулась и привязала ремень к балке над окном, затянула вокруг шеи покрепче, и самоотверженно легким движением ноги оттолкнула стульчик.

Ах...

Я видела лицо Власова, горящее огнем горя, он пытался спасти мое тело, но душа моя уже скользнула в бесплотный мир. Я не хотела видеть, как он покрывает поцелуями мое посиневшее безучастное лицо. Я полетела. Невидимый дух нес меня куда-то, я оглядывала своим широким взором страну свою большую. И не видно мне было не крови, ни страданий. Лишь полнота природы и красота городов, которые воздвигли сильные русские руки.

Долго я так лечу уже, и уже не знаю в каких пределах я.

И тут силой меня какой-то тянет вниз, и оказываюсь я возле молодой пары, любящейся. И так захотелось мне быть вместе с ними в этом таинстве, захотелось тепла мне их жаркого, и я как-то раз и юркнула куда-то в теплоту, свернулась там клубочком, слышу – сердечко радостно бьется и мне стало спокойно. Полежу здесь пока, отдохну, а потом обязательно отправлюсь искать Коленьку...

Оливия Браун. Нью-Йорк. 2032 год

О, этот теплый обволакивающий все покой, ах, если бы он мог длиться вечно. Я нечто, я лишь трепещущий сгусток энергии, и я хочу царить в этом спокойствии.

– Оливия!

Нет, нет! Оливии здесь нет. Здесь нет никого, имеющего имя. Безымянное умиротворение.

– Очнись!

Холод подступает! Как защититься от него?

Резко открыла глаза, очнулась от терпкого запаха. Свет пульсирующе бьет в глаза, надо мной лицо.

– Себастьян? Как ты здесь...

Я оглядываюсь – оказывается, я лежу на каком-то пластиковом столе, вокруг экранчики и какие-то диаграммы на стенах.

Себастьян холодной рукой тянет меня со стола.

– Нет времени объяснять все здесь. Нужно найти Пола. И уходить. Охрана будет в отключке недолго.

– Я ничего не понимаю...

– Идем! Я все расскажу, просто поверь мне сейчас.

Выбора, конечно, нет. Мы выходим из этого странного кабинета в длинный серый коридор.

– Мы в лаборатории?

– Да, мы на нижних этажах.

Я в какой-то серой сорочке, босиком пытаюсь поспеть за Себастьяном, который, кажется, знает все эти повороты намного лучше, чем должен. Тут неожиданно вырастает стек-

лянная стена, за ней на белом кубе сидит Пол, глаза прикрыты, веки слегка подергиваются. Услышав наши шаги, он приоткрывает их и тут же удивленно ахает. У Себастьяна откуда-то берется ключ-карта, и стеклянная дверь через секунду отъезжает. Пол бросается ко мне и прижимает к себе так крепко, что я слышу, как трещат мои косточки. Он как-то неловко целует меня в лоб и тут же обращает взор к Себастьяну.

– Почему ты здесь?»

– Я исправляю ошибки, – сухо отвечает тот, – еще немного и я расскажу вам все, все вопросы получают свои ответы.

Дальше происходит наистраннейшая вещь: мы не выходим из этой комнаты, а наоборот Себастьян проходит чуть в глубь, нащупывает что-то на полу и несколько раз притопывает. С пыхающим звуком одна плита приоткрывается и сдвигается в сторону – вниз ведет лестница. Наш проводник приглашает нас рукой спуститься туда. Я недоуменно гляжу, в неуверенности, что это лучшее решение. Пол тоже стоит не двигаясь.

– Хотите, чтобы вас поймали?! Я вижу вы теперь вместе, дорожите друг другом, так вот если не последуйте за мной, ваши отношения не продлятся долго.

Это прозвучало зловеще в контексте всего того, что я видела в прошлом. Я окинула его максимально презрительным взглядом, но все – таки шагнула к лестнице.

Мы долго спускались, так как я была первой, то я постоян-

но ожидала, когда моя нога почувствует что-то более устойчивое. Один раз за лестницей я увидела длинный туннель, но Себастьян сказал лезть ниже.

Пол появился, однако, неожиданно, и я босыми пятками ударила по нему. Ахнув от боли, я тут же отошла от лестницы, чтобы дать приземлиться моим компаньонам.

Я понимаю, что мы находимся достаточно глубоко под лабораториями, от этого мне становится чуть спокойнее.

Себастьян снова возглавляет шествие, Пол берет меня за руку, я бросаю на него взгляд, и он одобряюще кивает мне.

Я в нетерпении говорю: «Куда мы направляемся...», так как мои ноги начинают болеть, но я не успеваю до конца задать вопрос, как мы останавливаемся перед широкой железной дверью.

Я поворачиваю голову то в одну сторону открывшегося коридора, то в другую и вижу вдоль него одинаковые двери.

Себастьян достает железный большой ключ, покрывшийся уже ржавчиной, и открывает со скрипом проход в помещение в стене.

– Эти подвалы со времен войн и раздела. Здесь прятались люди, скрываясь от жестокости своих же соотечественников.

Он приглашает рукой нас внутрь, и я не смело шагаю вперед, потянув за собой Пола. Во мне играют множество оттенков чувств: любопытство, страх, негодование, злость, нетерпение.

Рассмотреть все в комнатке не занимает много времени.

Быстрым взглядом окинув ее, я подмечаю диван с резными ножками и обтянутой засалившейся болотной тканью с аккуратным растительным узором. Примыкая к дивану, стоит шкаф, как будто сколоченный из пары тройки досок, дверцы его слегка раскрыты и из внутренности его выглядывают вешалки с костюмами – Себастьян здесь живет! У противоположной стены стоит стол с множеством ящичков, на нем аккуратно лежат стопочки бумаг. Тут же подле стола находится маленькая плитка и шкафчик, как-то пристроенный на той стене. На стене над диваном в глаза бросается картина – это древняя Греция, я видела эту картинку в одной из старинных книг. Только этот экземпляр в раме из красного дерева, он как будто своим светом озаряет эту комнату. А его здесь не хватает, так как тускло горит лишь одинокая лампочка по середине потолка.

У меня уже нет сил больше стоять, так как мы, кажется, целую бесконечность прошагали по этим туннелям, и с облегчением плюхаюсь на диван, который тут же просаживается подо мной. Пол безмолвно встает у стены, с другой стороны, как страж. Себастьян без слов достает из шкафа кеды и протягивает мне, я удивлена нахождению такой обуви в его запасах, но благодарно принимаю их.

Еще несколько тягучих секунд мы все в неловкой паузе, как расставленные каким-то неведомым постановщиком молча, находимся на своих местах без единого движения и, казалось бы, даже вздоха.

Наконец не выдерживает Пол: «Кажется, пора все рассказать. Еще неделю назад мы с Оливией были в безопасности...»

Я вздрагиваю и переспрашиваю: «Неделю?»

Себастьян грустно поднимает на меня глаза: «Для тебя не было времени»

– Я прошу тебя объясни нам все! Я уверена, что ты знаешь что-то, ты ведь спас нас с какой-то целью...

Он громко вздыхает и берет стул, стоявший у стола. Садится напротив меня и жестом предлагает присесть Полу, но тот демонстративно поднимает руку в отказе.

– Я действительно знаю все, я могу даже сказать, что я принес эти беды вам своим эгоизмом и алчностью. Я был оглушен своими чувствами и для меня не было жертвы, которую я бы не принес на алтарь своих целей.

Я испуганно съежилась, когда он при этих словах поднял на меня лицо. Тени играли на его точеных скулах, голубые глаза сверкали холодным огнем, губы подергивались, как будто рассказывая свою тайную историю.

– У нас есть около двух часов, потому что я позаботился об охране своими способами.

Он улыбнулся сам себе, и как бы убеждая самого себя, кивнул. Вообще казалось, что он немного отстранился от нас, говорит сам себе.

– Прежде чем рассказать, что же за темные дела происходят в этом городе и лаборатории, а они действительно тем-

ные, я еще раз повторю, что без меня, к сожалению, всего этого бы не случилось. Но перед тем, как перейти к раскрытию этой тайны, я раскрою вам более важную, приоткрывающую причины тех странных совпадений в ваших прошлых жизней, и, конечно же, причину почему мы здесь втроем здесь сейчас сидим. Вы верите в магию?

Я удивленно приподняла бровь. Я читала об этом в книгах, но слышать это слово в живой речи было так странно, это слово было инородно, из других миров. Пол нахмурился.

Себастьян продолжил: «В ту темную магию, которая связана с заговорами, заклинаниями, зельями, культами, тайными знаниями!»

Его голос задрожал, и он устремил благостный взгляд на картину.

– Я вам расскажу историю, в которую вы не просто не сможете поверить, вы даже вообразить и подумать не могли бы о том, что это возможно. Но именно магия светлая и темная сплела нас. И если вы выслушаете меня и постарайтесь довериться, вся ваша жизнь обретет новый смысл.

Он с ожиданием взглянул... не на меня, а на Пола. Тот же не шелохнулся, лишь голова его медленно опустилась и поднялась и знак согласия.

Снова устремив взор на греческий пейзаж, Себастьян понизил свой голос до легкого пришептывания и начал свой рассказ.

История человека, потерявшего свое имя. Везде и во все

времена

Я родился в Древней Греции на острове...это больше не имеет значения, время стирает названия некоторых мест безвозвратно. В те далекие времена мы поклонялись богам, мы любили и почитали их, верили им, делили с ними мир, были ведомы ими, а они нам давали такие силы, о которых нынешний человек не может и подумать. Сейчас вы не верите ни во что, вы утратили имена всех богов, потому то и не обладайте той магией, с помощью которой мы равняли себя с высшими существами.

Моя мать была знахарка, так называли женщин, которые с помощью природы творили чудеса. Я был единственным ее ребенком, и она посчитала важным посвятить меня в тайны мира, сокрытого от многих глаз. У нее была настоящая книга заклинаний, сотни рецептов и заговоров хранились на ее страницах, к двадцати годам я не освоил и половины.

В мое время каждый был вправе выбрать ведущего для него бога и поклоняться ему, у нас были культы и в каждом были десятки жриц и жрецов. Я, обладая такими важными знаниями, был легко принят в один из таких культов. В один жаркий день, когда в храме было всего несколько человек, появилась она. Ее голубые одежды струились волнами под солнечными лучами, пробивающимися сквозь маленькие окна. Черные густые волосы ниспадали водопадом по ее плечам. Она шагала, казалось, не касаясь земли. Легкий поворот головы и она заметила меня, сидевшего на скамье и

листавшего выписки из маминой книги. Она одарила меня улыбкой, которая больше никогда не сотрется из моей памяти.

Она стала новой жрицей, ее звали Психея, познакомиться с ней было легко. Она была приятна и ровна в общении. Всегда поддерживала беседу, была образованна и казалась очень серьезной в обществе. Но мы сдружились по-особенному, и я-то знал какая она дикая и взбалмошная на самом деле. Мы часто убегали в рощи одни, сходили там с ума, наши дни пролетали незаметно. Я и влюбился в нее так же, просто в один день я понял, что она скрашивает каждую секунду моей жизни. Я, конечно, робел перед этим новым чувством, это была влюбленность совсем юного сердца, и я с опаской себя приостанавливал, боясь быть отвергнутым. Но она, как будто прочитав мои сокровенные мысли, начала отвечать на мои неловкие ухаживания. Она дразнила меня, позволяла прикасаться к себе так, что я потом сгорал от стыда. Эта игра увлекла меня на целых два года. Я был доволен положением и был уверен, что время есть, что я успею открыться, ведь я был уверен, что она чувствует то же что и я, и мы можем еще чуть-чуть побыть несерьезными в наших чувствах.

Но на любой счастливый период приходит день, который закрывает своими грозowymi тучами слишком надолго задержавшиеся улыбки на лицах окрыленных чувствами людей. На одной из прогулок в по-настоящему пасмурный день, она обратилась ко мне с вопросом, почему я задумчив последнее

время. Я верил, что в этом вопросе содержится лишь желанное услышать уже известный ей ответ. Я взял ее за руку прижал к своему сердцу и сделал ей предложение. Моя Психея вздрогнула, лицо побледнело, улыбка слетела, она аккуратно освободила свою ладонь и села на скамейку. Теперь в задумчивость погрузилась она. Я почувствовал себя дураком, нельзя было так нескромно, без согласия и присутствия ее родителей, ей молодой гречанке преподносить такое вот так вот в парке, на прогулке, будто я слишком уверен в себе и ее ответе. Я все это уже хотел высказать, но она, одарив меня грустной улыбкой, попросила время на раздумья.

С тех пор как прежде больше не могло повториться.

Психея избегала меня с искусством женщины, которая оскорблена до глубины души. Я не знал, чем обидел ее, но все мои попытки просто хотя бы встретить ее взгляд пресекались ею. Если мы сталкивались где-то, она совсем не похожая на себя скромно опускала глаза. На гуляньях она всегда держалась вдруг заинтересовавших ее глупых подружек. А ведь именно она так их называла. Я мучился, сторал. Моя мать с тревогой смотрела на меня, когда я возвращался из храма и тут же бросался на постель и погружался в горячий сон.

Но на этом мои душевные страдания не должны были закончиться. Однажды на площади я увидел ее с сыном одного купца. Они шли под руку, это было то, чего я за годы не мог себе позволить. Руки мои тряслись, я не знал, что она

меня заметила, я бежал в наши рощи, пал на колени и касался земли, по которой ходила она своей райской походкой. Я был безумен в своей любви, я был ослеплен потерей. И тут она в свете солнца предстала передо мною. Я протянул руки к ней, но она отпрянула, и тут же превратилась из ангела в демона, карающего меня за мои чувства. Жестокая женщина, она говорила, что не думала, что позволила себе дать мне какие – то ложные знаки. Как лицемерна она была, но от этого осознания я лишь говорил себе внутри, что я буду любить ее еще сильнее, ведь любить несовершенство проще. Оказалась, что она собирается вступить в брак с этим купцом. Я не мог в это поверить. Мне помнится, я грозил ей разными вещами в беспамятстве, я плакал, склоняясь к земле. Тогда ее легкие руки обвили меня, я уткнулся в ее волосы, пахнущие сладким дымом, она поцеловала меня в щеку, а потом как дитя оторвала от себя и бросила там.

Когда я исчерпал свое горе, я поднялся и пришел домой уже с новым чувством-гневом. Я не мог верить в то, что в ее душе за эти прекрасных два года не родилось ничего. Я убедил себя, что она не любит этого купца на самом деле, он просто ослепил ее своим фарсом и развязностью присущей этим шальным людям. И, конечно, я простер свою пылающую злостью душу к матери. И она сказал, что есть способ разлучить ее с женихом и соединить навсегда со мной, но это будет стоить огромной цены.

Моя мать слишком хорошо знала меня, она свернула ме-

ня с моей дороги, не знаю специально или нет, но я был импульсивен и легко принял информацию о любых жертвах ради этой обжигающей меня изнутри любви.

Она рассказала мне о ведьме, которая жила в горах кажется уже целую вечность, моя мама училась у нее недолго, и оставила о себе хорошую память, как способная ученица. Мне нужно было лишь сказать, что я ее сын и объявить свое желания. Она должна была мне дать заклинание и рецепт нужного мне зелья.

Чтобы добраться до этой старухи потребовалась целая неделя. Она жила в покосившейся лачужке, где прямо в полу была жаровня, рядом с ней на почерневших одеялах она и сидела. Выслушав меня, в конце рассказа она оскалила свой беззубый рот и пообещала мне исполнить мои желания. А затем последовал рассказ о том, что мне придется сотворить ради своих чувств.

Я должен был убить Психею и ее купца, и в момент ее смерти связать нас узами магии и крови. После того моя душа не будет свободна, пока душа Психеи не ответит на мои чувства взаимностью. Я остановлюсь во времени, я буду как в спячке, целью моей жизни станет поиск моей возлюбленной и ожидания расцвета нашей любви. Я верил в силу этой темной магии, мне казалось, что понадобится лишь одна ее жизнь, чтобы мы воссоединились.

Поэтому я готов был совершить это убийство, положить свою душу на алтарь своих чувств. Я ощутил себя богом, ко-

торый может перекроить мир под себя. Я был опьянен этим осознанием.

Путь обратно уже с добытым зельем, который старуха помогла сварить прямо у нее, занял еще неделю. Так что, когда я, наконец, вошел в город под звездным небом я услышал приятные веселые мелодии. Не понадобилось мне сделать и десяти шагов как я наткнулся на какого-то пьяницу, который счастливо кричал о здоровье каких-то молодых. Сердце мое в плохом предчувствии ёкнуло. И я не ошибся, я вернулся именно в тот день, когда моя Психея собиралась отдать себя этому купцу. Прилив гнева обуял меня от того, как легко она решилась быть с ним, не держала его в томлении, как меня. Обман, жестокий обман. Вот чем она была, химерой моей жизни. Но я не могу теперь отпустить это наваждение, я привык к нему как к сладкому дурману, без которого вся жизнь кажется пыткой. Я направился в храм, где хранились чаши для виночерпия молодых. Жрица, которая должна была быть подле них и охранять от сглаза, как я и думал, убежала взглянуть на невесту – женщины слишком предсказуемы и легкомысленны. Две чаши стояли на постаменте, в них уже была налита темная священная жидкость. Я легкой рукой налил зелья, капнул свое крови в чашу с красным рубином, который предназначался невесте и прочел заветные слова. Вино покрылось на секунду дымкой, а потом стало прежним. Я помню это как вчера, такие поворотные воспоминания не стереть ни каким временем и силами из памяти.

Я с воспаленным сознанием залез на холм, откуда видна была церемония.

Психея была прекрасна, выглядела как в нашу первую встречу, вся как будто парящая над этим миром. Жених смотрел на нее трепетным взглядом, я вдруг понял, что для него она тоже сокровище. Они были уже муж и жена, главные таинства были совершены, и вот им поднесли вино. Они выпили и соединились в поцелуе. Он отразился болью на моем лице. Гости начали хлопать, музыканты петь, но тут девушка ахнула и схватила за руку возлюбленного. Он испуганно взглянул на нее, она ответила взглядом полным недоумения. Вдруг у неё изо рта хлынула красная кровь, она полилась по ее белым одеждам. Жених не успел даже крикнуть, как у него из носа тоже заструилась красная жидкость. Все замерли в немой сцене ужаса. Кто-то из толпы крикнул: «Прокляли!»

Психея дрожащей рукой схватилась за рубашку любимого и прижала его к себе. Они сплелись в объятиях, как будто понимая, что им уже не жить. Я не желал наблюдать большего, я поплелся домой.

Там меня ждала мать. Она строго сказала, что я не успел. На что я возразил и сообщил о смерти возлюбленных. Тогда она вскочила и воскликнула, что я совершил ошибку. Она металась по комнате и говорила, что все прошло неправильно. Я был уставшим и не желал слушать ее, на меня уже лег груз вины, моя совесть начала просыпаться.

Я не был на погребении. Я вообще выбрал затворниче-

ский образ жизни. Прошло немало лет. Моя мать старела, и пришло ее время уходить. Перед смертью она, держа меня руку, слезно попросила: «Не иди наперекор судьбе»

Я воспринял это как завет на поиски своей возлюбленной. Тем более что времени прошло действительно достаточно, чтобы она родилась и уже где-то подрастала. А я ведь совсем не менялся, люди стали странно поглядывать на меня, когда я появлялся на рынке. Лица моих старых знакомых покрывали паутинки морщинок, а я выглядел так, будто мне все еще двадцать два. Многие начали шептаться за моей спиной, думаю, весь город обвинял меня в тех давних трагических обстоятельствах. Находиться и продолжать жить на моей родине больше не представлялось возможным. Поэтому я собрал вещи и отправился в путешествие.

Много островков было обжито мной. Первый раз я нашел ее случайно. Шел по проселочной дороге, и вдруг мое сердце подпрыгнуло, меня как будто молния прошибла. Навстречу мне шла девчушка лет шестнадцати. Мои мысли мгновенно отсчитали прожитые мной года с того рокового дня и все сошлось. Я узнал ее по глазам. Серые, отливающие морской пеной, совсем не свойственные южанке, они глядели на меня с интересом. И, конечно, стоило бы. Я выглядел как настоящий отшельник, отпустил бороду, одежда изнасилась, в руках была палка, потому что я много ходил. Но там под бородой было все то же молодое лицо. Она несла какую-то корзинку, и я решил, что это отличный предлог. Я предложил

ей помощь, и она согласилась. В ее доме меня радушно приняли и даже предложили остаться на какое-то время, скорее всего от того, что я прикинулся паломником. Я начал учить ее грамоте, она была не похожа на Психею, но в каких-то манерах и повадках я узнавал, что это она. Душа моя подсказывала. Конечно, мне не понадобилось много времени, чтобы влюбиться вновь, мне кажется, я уже заочно ее и любил. Так должно было быть. Она на удивление тоже легко сошлась со мной, была не из робких. Ее отец понял, что я ученый человек, и рад был тому, что я все еще у них. Думаю, он мечтал сосватать мне ее.

Однажды в погожий день мы гуляли по равнине, она собрала венки и, подскочив ко мне надела его на мою голову, обвив затем мою шею руками и прижавшись к моей груди.

Она просила меня не уходить, она призналась в своих трепетных девичьих чувствах, это была еще не любовь, но девушка сказала, что я ей бесконечно дорог и что-то внутри нее растет и цветет. Я был окрылен, я не мог поверить, что так легко обрету счастье, ради которого мне пришлось платить смертью.

Глупец! Сразу после этого признания моя нимфа заболела, и в четыре дня скончалась. Я остался жить с ее родителями. Мое сердце еще долго никуда меня не толкало.

Прошло много ее жизней. Судьба неизбежно отнимала ее у меня. Как только я трогал ее сердце, она умирала, исчезала, ускользала. Но я слепец не желавший видеть в этом зако-

номерностей. Я многого не замечал, как и соперника, который все чаще вторгался в мои попытки быть со своей единственной.

Годы начали идти для меня незаметно. Мир менялся, мне все было интересно. Я вел дневники, потом сжигал их, ведь я не существовал. Я забыл свое первое имя, потому что сменил их десятки. Между своими поисками я старался быть в гуще социальной жизни, ведь я думал каждый раз, что это может быть последние годы молодости.

Осознание и раскрытие первой тайны пришло для меня внезапно. Я уже давно жил за пределами своей давней родины. В той жизни она была куртизанкой. Все по знакомой схеме, я как человек без зрения, на ощупь, по стене чувств каждый раз приходил к ней. Вот и в этот раз нашел ее, руководствуясь лишь толчками моей интуиции. Я стал ее постоянным клиентом. Я, наконец, овладел ее телом, помню, что тогда я жил в эйфории. Даже долгое время мне казалось, что я начал стареть.

Однажды я решил предложить выкупить ее из борделя. Она подняла свои томные глаза, и серьезно заявила, что у нее уже есть возлюбленный. Сначала был шок. Я не понимал, что она была лишь в статусе моей собственности, которую я оплатил. Но чувств она не испытывала никаких. Я вдруг понял, что она обслуживает десятки мужчин, они трогают ее, проникают в нее, используют ее. Как и я. Она стала мне противна. Я не желал быть с ней. Но очень желал увидеть

этого загадочного соперника, который сумел пленить сердце той, у которой уже не было вкуса жизни. Она с радостью согласилась, утверждала, что он не богат и не сможет ее обеспечивать, но она действительно любит его. Она возвела меня в статус своего друга и устроила нам встречу. Я узнал его почти сразу. Как и у моей желанной у него изменились лишь некоторые черты лица, но взгляд, тот взгляд, который я успел заметить в ту ночь, был отпечатан на его лице. Меня всего затрясло. Я убежал с того вечера, как громом пораженный. Я понял, что он всегда был рядом. Я знал это, просто знал. Свою теорию я скоро легко доказал. Он действительно теперь с завидным постоянством появлялся там, где была она.

За все эти столетия я почти не встречал колдуний или колдунов. Практиковать свои способности я почти не мог, но мамину книгу хранил бережно и с трепетом. Спустя века наступило время, когда я почувствовал себя старым внутри. Я одряхлел, истощил себя. Мне нужны были ответы, и я решил вернуться на родину. На месте нашего городка выросла роща, все было заброшено. Я отправился в горы, и каково было мое удивление увидеть очень знакомую мне хижину. У ее входа на одеяле, которое, казалось, осталось ни больше, ни меньше, а все таким же затрепанным, сидела она. Та самая старуха. Приоткрыв один глаз, она одарила меня беззубой улыбкой.

Она утверждала, что ждала, когда же я догадаюсь вернуться к ней за ответами. И она готова была поведать мне все.

Ее интересовал мой рассказ о том, как я совершил ритуал. Сидя там, рядом с ней мне показалось, что я вернулся во времени, и я снова в своем древнем архаичном полном сильной и мощной культуры мире. Суеты жизни ушли, прикрыв глаза я задумался, как хорошо было бы сейчас спуститься с гор и оказаться у своего домишка, где мама будет ждать на ужин. Но вместе мечтаний мне пришлось в подробностях все рассказывать. Она всплеснула руками и засмеялась. Потом резко прогнала улыбку с затянувшего морщинами лица. Оказалось, что тот факт, что молодожены завершили ритуал бракосочетания, изменил условия заклинания. Черная магия крови схлестнулась со светлой магией любви. Они уже произнесли клятвы, и теперь нас всегда будет трое, он будет искать ее, так же, как и я, но ему будет помогать судьба, а мне моя страсть, пока одна из сторон не победит в душе древней Психеи. Я был злом. И, услышав этот приговор от старухи, я изменился. Я понял, что теперь я должен по-настоящему бороться за сердце моей любимой. И все средства будут хороши.

Первую встречу, о которой вы оба знаете это встреча в России. Я действительно убил его. Я бы не сделал этого, скорее всего, если бы не ужасно повторившаяся ситуация. Мы были друзьями все втроем. Я узнал его чуть лучше, постарался представить, что он другой человек. Ангелина была так похожа на Психею, та же кокетка с внимательным взором и легкой походкой. Когда я признался ей, она сказала,

что они уже помолвлены. Я рассмеялся ей в лицо и ушел. Потом меня обуяли чувства, и я начал преследовать ее, я искал у нее ответа, но она притворилась испуганной ланью и потребовала, чтобы я исчез из их жизни. Я сделал все, что она хотела. Но когда встретил ее тогда на улице, все вспыхнуло в моем разрушенном сознании с новой силой. Я понял, что могу обрести власть, с моим опытом жизни взобраться на какую-либо должность, расположить кого нужно уже не было чем-то сложным, перестало быть даже задачей.

В то утро мы арестовали его. Отвезли за город. Он стоял на коленях и не проронил ни слова. Он был горд, самолюбив. Лишь бросил мне в лицо, что она никогда не будет моей...

Она ушла за ним чудовищным способом. Я корил себя. Убивал себя. Сложно поверить, но до этого живя, то на энтузиазме, то на страсти, то на злости, я никогда не пытался прекратить свою жизнь самому. В этот раз я решился. Руки дрожали, когда я возвел курок. Прямо в сердце, чтобы выгнать эту боль. Я нажал и на какое-то время я обрел покой. Приятная темнота негой обволакивала меня. А потом холодный свет вернул меня назад. Лишь шрам на груди, да красная лужица рядом. Мои боги исполняли то, что я поручил им своей магической формулой и кровью.

Я потерял ее и не мог найти. Это изматывала меня. Если раньше я верил, что нужно лишь дождаться знака, то теперь вся жизнь моя была оголенным нервом ожидания. Один раз я наткнулся на нее в обличье мальчика, тогда я даже не ис-

пытал никакого укола в сердце. Это действительно была случайная встреча. Это испугало меня. Мне стало страшно, что я, возможно, теряю с ней связь.

Я ушел в себя. Шли войны, переделы мира, я грустью вспоминал идиллию своей первой жизни. Уехал в Португалию. Там сначала жил в деревеньке, никто не замечал меня, я никого не замечал. Тысячу раз я задавал себе вопрос: может стоит остаться здесь навсегда? Найди себе жену, это будет для тебя легко, ты изучил всех женщин кроме одной, так может нужно именно от этой отказаться? Но я как проклятый своими же мыслями всегда возвращался к ее лицу, которое я даже не мог забыть. Я мог миллион раз уже стереть из памяти ее образ, но как впечатанный в сознание, он не мог быть выскоблен ничем.

Какое-то время я жил в городе, заработал репутацию, и тогда случайно наткнулся на старика, от которого весь я пришел в волнение. Я решил уцепиться за это чувство, вновь оказался на волне азарта и поиска и не прогадал. Да у него была молодая дочь, я был уверен, что это она. Я все устроил, все шло так гладко. Я ждал нашей встречи как самой торжественной минуты в жизни. Разве я мог думать о препятствиях. Молодая девушка, живущая под игом строгого отца, нет нет, она как цветок под стеклянным колпаком хранилась для меня. Каково же было мое удивление, когда она убежала от меня, заявив, что уже влюблена. Я был зол, негодовал, я знал, кто вмешался в мои планы. И тут как будто сама земля

ответила на мою злость, вся затряслась, как и я в гневе. Это было землетрясение. Я надеялся ее спасти, искал ее, когда вернулся к дому, он уже был разрушен, но я чувствовал, что она еще жива. Так и было, ее маленькая ручка тянулась из-под обломков, я попытался, но не смог. Она умерла подле меня. А я был бессилен.

Весь мой рассказ фантастичен не только потому, что все изначально было замешано на магии и вере в высшие силы. Сама невозможность выдержать то, что выдержал я, может поразить. В это нельзя поверить. Я бы сам не поверил, мне кажется, даже сейчас не верю, что моя душа еще теплится. После смерти той ее сущности я действительно нашел себе невесту и прожил с ней какое-то время. Но я был так строг к ней, я буквально ломал ее под себя, она была кротка и легко поддавалась. Но этот излом сильно покорежил ее психику, и она закончила в доме сумасшедших. Тогда-то я и устроился в университет, это была лишь скорее надежда обрести еще одну попытку в поисках невесты. Я решил свернуть на этот путь. Но в итоге снова оказался на дорожке с моей Психеей. Но в этот раз все было иначе. Она была моей. И я не собирался ее отдавать. Я узнал в ее дружке моего соперника, поэтому разоблачение и скандал были мне на руку. Я все подстроил, а она подумала на своего друга. Оставалось лишь увезти ее, и я знал, что тогда все будет на моей стороне. Но самолет упал, обстоятельства были таковы, что я ничего не мог изменить. Я был в шоке, рвал и метал. Но я был уверен,

раз я смог один раз, то возможно сила обеих магий ослабла и мне нужно лишь поднажать. И в новой попытке снова успех. Я снова с изощренным коварством выставил ее друга плохим и заполучил ее. И снова она ускользнула.

С тобой Оливия это была последняя попытка. В этот раз я решил, что я расскажу тебе все, покажу. Я думал, если ты увидишь нашу связь сама, ты поверишь в нас. Но я снова не смог исключить из этого уравнения силу первой истиной первоначальной любви. Я человек, потерявший себя, я не личность, я призрак, следовавший за вами. Я хватался за тебя, за Психею, но мои руки не могли удержать ничего, кроме своего слепого желания. Но все изменилось, ты, именно ты Оливия, показала мне, что Психеи больше нет. Я принимал все тех девушек за нее, но это была обманка, иллюзия, которую создал мой мозг, рожденный в окружении культов и магии. Я мог в это верить, потому что таково мое изначальное и неизменное сознание. Я остался древним человеком, а Психея менялась, росла, обретала новые черты. Ты Оливия не она, но я открыл для тебя нужную дверь. Хоть что-то хорошее я сделал, соединил человека с его душой.

Оливия Браун. Нью-Йорк. 2032 год

Я сижу на диване в полном недоумении, поверить не могу услышанному, все как во сне. Зато Полу, кажется, легко в это все на мое удивление верилось: он со сжатыми в кулаки пальцами сделал шаг вперед к Себастьяну.

– Ты чудовище!

– Которое вас спасло.

Я опомнилась и остановила ладонью Пола, прежде чем он бы решился вцепиться в Себастьяна.

– Да, но один вопрос остается неразрешенным: от чего ты нас спас? Даже если мы, поверили бы во все это волшебство, а это действительно нелегко, несмотря на все, что мы видели, мы не можем тебе доверять, не знаю по какой причине мы здесь сейчас находимся под землей с тобой в одной комнате. У нас нет никаких гарантий, что ты не причинишь нам зла!

– Я бы не сделал тебе больно...

– Не надо! – проскрипел сквозь зубы Пол.

– Очень важно, чтобы вы поверили в мою историю. Таких совпадений не бывает. Нас вела по жизни магия...

– Мы разберемся с этим позже, – резко ответила я.

– Чтобы расставить окончательно все точки, я должен рассказать, как нашел тебя в этот раз. Сначала я нашел его – он окинул холодным взглядом Пола, с которого напряжение, казалось, никогда не спадет.

– Потом я узнал, что тебя ищет полиция, и скажу тебе, что в первую нашу встречу мне показалось, что ты очень плохо прячешься. Можно сказать, ты буквально желал, чтобы тебя поймали. Я никогда не реагировал на него так, как на тебя..., – он запнулся, нахмурился и продолжил не сразу.

– Думаю, теперь мне стоит отделять тебя, как личность. Никогда не реагировал так, как на других девушек. Я был в каком-то кабачке, и тут мое сердце екнуло. Я оборачивался,

искал, но не видел знакомого взора. Я уже собирался выходить, когда прошел мимо тебя Пол, и сердце сделало невероятный кульбит. Я успел зацепить тебя взглядом и узнал глаза так ненавистные мне. Но у меня была теперь другая политика. Я знал, что там, где ты, там будет и она. Как видите, я не ошибся... Та сыворотка, которую вам давали, не синтезирована в лабораториях. Не владеют ваши ученые таким знанием. Зато им владел я, мамина книга всегда со мной. Зелье воспоминания. Прекрасная вещь, играя с ее концентрацией можно проявлять воспоминания любой давности. Эта штука очень помогала мне, в промежутках ожиданий. Я мог возвращаться в счастливые дни со своей Психеей.

Его рассказ был прерывист. Он снова замолчал и уставился на картину. Я вдруг увидела в нем раненого зверя, он казался страшным и сильным, но внутри него был абсолютный излом. Я его жалела, но в то же время жутко злилась, хотелось причинить ему невероятную боль, от осознания, что я не была счастлива ни в одной жизни из-за него. Я взглянула на Пола. На его лице читалась работа напряженной мысли.

Конечно, нам всем нужно будет время, чтобы все это обдумать и принять. Но, то, к чему вел Себастьян, явно содержало опасность. Нас вырвали из постели, нас украли, и мне чудилось, будто я провела в этом искусственном сне целую жизнь, в этот раз я была полностью другим человеком. Я почти ничего не запомнила, но время там была иное, стремительное и в то же время растянутое. Наконец молчание пре-

рвалось.

– Я не мог просто найти тебя Оливия и впихнуть эту сыворотку насильно. Нужна была тонкая игра, я не мог позволить себе еще одной ошибки. Но все решил случай, который оказался мне знаком. Я состоял в клубе, в котором ваша власть проводит время, так сказать собрание акционеров, инвесторов, подпирающих хрупкие плечи семи человек, сидящих во главе вашей области. Там то я и подслушал робкие разговоры этих людей, которые признавались, что очень боятся потерять контроль. Эти люди с дрожью вспоминали тот хаос, который творился еще совсем недавно. И они были уверены, что пока люди знают, что могут бунтовать и менять мир под себя, нет никакой безопасности у этих держателей мира. Им нужен был универсальный способ контроля. Я легкой рукой сказал, что возможно на ошибках истории можно научиться, и предложил свою сыворотку, как удивительную машину времени для них. Сначала велись скромные испытания прямо на мне. Удивленные лица ученых восхищались. А потом началось неожиданное давление. Собрание хотело, чтобы сыворотку модифицировали, велись эксперименты с дозами. Я мало интересовался этим, сменилось руководство, кто-то был не доволен опасными играми с сознанием, я же лишь ждал момента, когда увижу тебя Оливия. Я слегка удивился, когда меня пригласили на встречу и сообщили их план – они достигли своего успеха. Ученые выяснили дозу, при которой мозг перезагружается, он погружается слишком глу-

боко и буквально стирает духовную память, очищает сознание, в этот момент мозг необычайно уязвим, все что человеку скажешь он воспримет, как реальность. Они возжелали стереть память всем горожанам и навязать им полное повиновение. Мелкое желание мелких людей, продиктованное их страхами, но я дал им в руки то, чего не было у других правителей на протяжении веков. Магия соединилась с наукой и превратилась в потрясающее оружие. Этим можно было даже восхититься, но я был поглощен своей целью. Если бы ты тогда ответила мне взаимностью...

– Из – за тебя в опасности тысячи людей..., – я подала слабый голос.

– Я не хотел этого, последствия...

– Этому не будет оправдания...

– Я все исправлю, когда ты отвернулась от меня, я впал в глубокие раздумья. У меня произошла своя перезагрузка. Ты указала мне на все мои поступки, и я вдруг, как в зеркале увидел, кем я стал. Я перестал быть человеком еще в тот роковой вечер убийства самого дорогого, кто у меня был, но безотчетно ослеплял себя мыслями, что это все во имя любви. Но это все ложь, она меня никогда не любила! – Себастьян перешел на крик, и вдруг уронил свою голову на грудь и зарыдал. Сначала мы с Полом опешили, только что мы видели перед собой врага, но вот перед нами жертва жизненных обстоятельств и заложник своих чувств. Сколько лет он хранил в себе эту рану, он не мог дать ей зажить, ведь

это навсегда разорвало бы связь с его любимой. Я привстала и положила руку на плечо ему. Он сжал ее крепко, и еще несколько минут рыдал, как дитя. Наконец утерев слезу, как обиженный мальчишка, он поднял на нас свои глаза.

– Я знаю, что я монстр, но таким я стал из-за неспособности простить и отпустить. Так бывает, мы просто не можем принять утрату. Совершив одно преступление в жертву своих, как мне казалось благородных чувств, я стер грань, я считал, что мне позволено совершать их снова и снова. Но благодаря тебе Оливия я узрел свою ущербность. И в искупление я хочу все изменить, а это возможно сделать, если вы забудете на какое-то время, кто я есть на самом деле.

Не мне его прощать, не Полу, его уже никто бы не смог простить, кроме него самого. Но сказать ему это, убедить его в этом и спасти еще крупницы его души... на это не было времени. Мой город, люди, все в опасности.

– Угроза появилась еще до того, как ты пришел к собранию Себастьян. Ты стал средством, но они могли найти и другую управу на нашу волю. Так что я надеюсь, у тебя есть план хотя бы против заразы, которую ты сам принес им, – твердо сказала я.

Он уверенно кивнул головой, мой призыв к исправлению ошибок, взбудрил его и привел в чувства.

– Ты оказалась самой сложной загвоздкой для них. Твой организм не привыкал к сыворотке, твое сознание не теряло грани. Они не сообщали вам о результатах других членов

группы, но на самом деле у всех, кроме тебя и немного Пола, легко пошло привыкание, что вело к погружению их в транс безболезненно. Им нужно было сломать код, и ты им и являлась.

Он усмехнулся, как будто был доволен чем-то.

– Но ты крепкая тростинка. Я разбудил тебя простым снадобьем из некоторых травок, которые выводят из наркотических состояний. Скорее всего, такие как ты тоже бы подверглись внушению, но обломки памяти начали бы всплывать. Но думаю, на этот случай у них был план, они бы арестовывали вас...сажали бы в психушки...все эти грязные игры.

– Но мы же не допустим распространения этой мерзости? Как они собираются ее ввести каждому горожанину?

– Зелье, как я и сказал было модифицировано не один раз. Скажи, видела ли ты видения?

Я удивленно округлила глаза. Значит, все это было последствием этих экспериментов! Я утвердительно кивнула.

– Это был последний тест. Мне снова придется признать, что это я предложил ввести эту версию только одному человеку, и выбрал тебя. Сказав о галлюцинациях Беатрис, ты дала подтверждение, что сыворотка может действовать не одномоментно. А видела ли ты видения без уколов?

Я снова растерянно кивнула.

– Значит, что все пройдет по их плану. Сыворотку уже пустили по кранам города еще утром. Я не смог предотвратить это один, я вышел из их дела после нашей ссоры и скрылся

здесь. Я отправился к Беатрис несколько дней назад, хотел узнать все ли хорошо у тебя, но нашел ее дом в полном беспорядке. И кровь на полу. Думаю, ее арестовали.

Ее звонок, она рискнула собой ради наших жизней. Сердце защемило от страха, что с ней могли сделать.

– Об идее с водой в водопроводе я узнал уже давно, они сказали, что это уникальная система, связывающая все в один водяной узел, существует с перестройки города после развала. Существует некий центр, откуда вода из источника поступает сначала в резервуар, там фильтруется и несется во все стороны. В этот резервуар при обладании власти легко добавить любое вещество. Они подготовили огромное количество сыворотки. В ней больше нет магии, лишь научная мысль. Настоящее психотропное оружие. И люди уже приняли его. И когда они лягут спать, им будут сниться сны. Яркие, красочные, они будут верить им. А потом произойдет перезагрузка. Ровно с трех часов ночи начнется трансляция – все приборы издающие звуки словят сигнал, который будет испускаться из этой лаборатории, потому что это самое высокое и технологически оборудованное здание в городе. Некоторые приемники по городу будут ловить этот сигнал, и передавать дальше. Остальные принимающие будут воспроизводить, можно сказать, мантру подчинения. И люди не вспомнят своих снов, но также и не вспомнят этих слов. Они встанут утром, как ни в чем не бывало. Пойдут на работу, но как только власти будет угодно, нужно будет лишь ска-

зать человеку – подчиняйся и он выполнит их любую прихоть. Они лишат людей воли, но даже если может казаться, что это ради их безопасности, думаю, эти толстосумы сверху недолго смогут удержаться от тирании. Никто не может от нее долго удержаться ни в каком веке.

Тут голос подал Пол, он был поражен, и только сейчас, как будто его подкосили, сел рядом со мной:

– Удивительно, как люди становятся изощренными и умными, когда дело касается таких личных забот. Как много нужно было бросить сил и стараний, чтобы осуществить план по захвату человеческого разума, ради собственного спокойствия. Как семь человек от страха, что сидят на краю стула и могут упасть, готовы потратить время, деньги, идеи на такую подлость. Скажи Себастьян, они же ведь не остановятся? Они предложат эту идею другим властям других городов?

Себастьян хотел ответить, но Пол не закончил:

– Как ты бы не остановился, заполучив Оливию? Ты бы не захотел прожить просто жизнь рядом с ней, ты бы ломал ее, подстраивал ее под твои идеалистические мечтания. Ты хочешь остановить монстров, и мы будем это делать с тобой, но лишь потому, что осознаем, что только ты можешь сделать это, ведь только ты можешь знать, как остановить самого себя.

Глаза их метали молнии, кулаки сжимались, оба они были на тонкой грани, и я должна была срочно предотвратить

дальнейшее развития конфликта.

– Прекратите! Не думаю, что у нас есть на это время. Город в опасности, а нас всего трое. Себастьян, каков план?

Мужчина громко выдохнул, расслабил руки и встал.

– Мы разделимся. Я займусь передатчиком, его охраняют лучше места, куда отправитесь вы, а так как я все еще помню некоторые заклинания, я в теории должен справиться. Ваши действия заключаются в том, что вам нужно пробраться к резервуару, я дам вам медицинские пистолеты с сильным снотворным, это единственное оружие, которое я могу вам предложить. Примерно через полчаса охранники в лаборатории очнутся и вся полиция бросится на ваши поиски. Так что не теряйте ни минуты.

Он протянул нам два маленьких пистолета с прозрачным корпусом, в которых блестели крошечные пульки с мутной жидкостью.

– Как быстро это вырубает?

– Почти мгновенно, некоторые задержки в пол минуту могут произойти в зависимости от комплекции жертвы.

Я поморщилась при этом слове.

Себастьян открыл дверь и пригласил нас выйти в коридор. Пол, даже не взглянув на него, вышел первый. В туннеле Себастьян сказал: «Нам в разные стороны. Повернете налево и пойдете до двери с номером 13, развернетесь у нее и увидите лестницу. Подниметесь и сразу окажетесь в белом светлом коридоре, будьте начеку, охрана может быть выставлена уже

там. Помните, в вас они будут стрелять пулями с электрическими зарядами – политика гуманности»

Он скривил рот в усмешке.

– Постарайтесь добыть себе эти пистолеты у первых охранников. Вы будете двигаться по коридору, нужно дойти до большой металлической двери, у последних охранников будут ключ-карты.

Он протянул нам пластмассовую бутылочку, Пол, не касаясь пальцев молодого человека, взял ее и положил к себе в карман.

– Это нужно будет влить в золотой резервуар, вода у власти фильтруется отдельно. План таков, в полночь у них заседание, среди них оказался один старичок, который долгое время жил в старое время и не одобрял идею порабощения сознания горожан. Но он не смел высказаться, он понимал, что может закончить плохо. Не знаю почему, но он как – то проболтался, что недоволен складывающейся ситуацией. И мы стали часто с ним беседовать о планах его коллег. Я связался с ним сегодня утром, он согласился поддержать меня и пожертвовать собой. На заседании он разольет воду каждому, предложит тост, чтобы все точно выпили, но в этой бутылке первичная сыворотка, то есть отключаться они сразу. Я перенастрою передатчик только на их голосую панель в конференц – зале, запрограммируем их на служение своему народу и улучшения жизни города. Последуем настоящим гуманистическим идеям. Если сработаем вместе как коман-

да, и справимся, то утром этот город проснется другим: новым, обновленным, незаметно возродившемся благодаря нашим трем неприметным фигурам. Когда закончите, возвращайтесь быстро тем же путем, дойдите до этой же двери, и идите прямо, вы упретесь в очень старую лестницу, поднявшись по ней, вы окажетесь в переулке рядом с парком. Ждите меня там. Я надеюсь увидеть вас обоих, – он сделал паузу, – живыми и невредимыми. Удачи.

Не дав нам задать никаких вопросов, он развернулся и зашагал в противоположную сторону, растворяясь в темноте.

– Пойдем, нам тоже нельзя терять времени – Пол потянул меня за руку.

Пока мы шли, я решила все-таки обсудить все, что мы узнали за это кратчайшее время.

– Пол ты можешь в это поверить вообще?

Он серьезно ответил: «Могу»

Я удивленно украдкой взглянула на него.

– Ты злишься на него, а мне его жалко.

– Да он жалок.

– Нет, не в этом смысле...

Он резко остановился и развернул меня к себе: «Мне все равно кто он и откуда, и что было в прошлом, я могу забыть это, думаю, что могу. Но теперь я не позволю ему встать на пути между нами. Я это я. Не проекция прошлого. И я дорожу тобой. И ему стоит опасаться, если он решит вновь причинить тебе вред»

Он крепко прижал меня к себе, я обвила его руками, вжавшись в его плечо. Он моя надега. Чтобы сегодня не случилось я в этом мире больше не одна.

Но я чувствовала, что Себастьян не встанет на пути, он отпустил Психею и меня. Не знаю, какой ценой ему это стоило, но хочется верить, что я действительно развернула его в абсолютно противоположную сторону.

Оказалось, что мы остановились как раз у двери номер 13, развернувшись, мы увидели небольшую нишу в стене, в которой была выкрашенная белой, уже отколупавшейся в некоторых местах, краской лестница.

Пол решил полезть первым, я не отставала от него. Поднявшись до конца, мы снова уперлись в некую плиту. Пол сверху посмотрела на меня, и прижал к губам палец. Нужно быть очень тихими, возможно наверху находится кто-то из охраны. Пол достал пистолет из джинс, свой я держала все это время в руках, что создавало мне множество неудобств, и сейчас мои руки показались мне такими потными, что я чуть не выронила оружие. Но я чувствовала на себя взгляд своего молодого человека, а после его слов я, думаю, могла его назвать своим, и это помогло мне сосредоточиться.

Он пальцами начал отсчет: три, два, один! Резко откинув плиту, он тут же в кого-то выстрелил, мне ничего не было видно, несколько секунд, но Пол уже полез наверх. Я устремилась за ним и увидела мужчину, который поник у стены. Но он еще не отключился, он был средней комплекции, его

тело уже не слушалось его, но глаза были открыты, он внимательно на нас смотрел. Но долго он не мог контролировать свой взгляд, через пару секунд его веки встрепенулись несколько раз и окончательно закрылись. Тогда Пол приблизился к нему, а я окончательно вылезла из люка, собравшись прикрыть за собой плиту. Но Пол остановил меня, оторвал от футболки лоскут и подложил под нее, и только потом захлопнул. От нервов я совсем потеряла разум, конечно, как бы мы иначе нашли потом выход отсюда. Пол снова разумно забрал один шоковый пистолет и передал его мне. Я была удивлена таким решением, но не стала спорить, значит, я заслуживаю доверие владеть таким оружием. Я спросила, оставить ли мне здесь пистолет со снотворным, но Пол забрал его и засунул себе за пазуху.

Мы находились в коридоре, освещенным ярким больничным светом. Стены тоже светились. И пол. Мы как будто находились в ярком пульсирующем туннеле, который извивался, и мы направились по этим поворотам, каждый раз ожидая встретить еще противников. Но никого не было. И это напрягало нас. Я шла за Полом и видела его спину, которая вся была будто каменный монолит. И тут он шикнул. За поворотом был еще один охранник. Мы не знали, как далеко находимся от входа в резервуар. Самое главное, что эффект неожиданности будет сейчас на нашей стороне.

Пол сделал шаг из-за угла, и тут мимо пролетел светящийся шарик, он ударился в стену, и одна панель перестала све-

титься. Видимо охранник услышал нас, я выскочила за Поллом собираясь стрелять, так как мое оружие было действительно оружием, но Пол мне мешал, он закрывал меня собой будто пытаюсь укрыть, что ужасно меня раздражило. Он выстрелил и промахнулся, бугай, а именно таким был мужчина, перегородивший нам дорогу, стал уже прицеливаться в Пола и точно бы попал, если бы я не выскочила и не выстрелила. Пуля промчалась молниеносно прямо к подтянутому животу охранника, коснувшись его футболки, она засверкала, и он сложился пополам с громким криком. Это было нам совсем не на руку. Пол быстро выстрелил в него снотворным, и мужчина благодатно поник, как будто мы не только что причинили ему адскую боль, а наоборот освободили его от страданий. Но мы не успели прийти в себя после этой стычки, потому что из – за следующего поворота появились еще двое. Таких же габаритов, как и тот, что лежал сейчас на полу. Пол метнулся к пистолету в руках отключившегося, успев его схватить, он тут же пригнулся, так как мимо пролетела светящаяся пуля, снова обесточив одну из плит. Коридор был достаточно длинен, чтобы мы все вчетвером сейчас причинили друг другу вред. И возможно никто не остался бы в выигрыше, а победа нужна была нам. Сама я сидела у того угла, из-за которого мы вышли, охранники с вытянутыми руками в которых блестели пистолеты, кажется, не заметили меня, они целились в Пола. Он был в опасности, пытался отстреливаться, но мазал, и я не могла скоординировать

наши действия. Тут он внезапно ахнул, и начал дергаться, в него попали. Ах, нет, лишь задела плечо, так как еще одна панелька на полу погасла, свет стал серым, так как многие плиты сломались. Вот и ответ: я лишу их света. Я подняла пистолет и очередью прошлась по плитам над нашими головами, Пол корчась в слабых конвульсиях, понял, что я делаю и, приподнявшись слегка отступая, обстрелял пол. Мужланы не понимали, что происходит, и откуда вдруг такой заряд, а мы погружали их в темноту. Они встали в замешательстве, я воспользовалась этим, так как через несколько секунд они могли заметить меня в свету, льющемся из-за поворота. Я подскочила к Полу выхватив у него пистолет со снотворным из-за пазухи и на удивление метко пальнула каждому удивленному охраннику в грудь. На их лицах выразилось секундное недоумение, как будто их как детей только что обманули, а потом они громко свалились на пол. Я выдохнула и упала рядом с Полом на колени.

Он тяжело дышал, на плече была рана, похожая на ожег, но он с восхищением смотрел на меня.

– Что? – с нервным смехом в голосе спросила я.

– Просто героиня, как девушка из боевика, легко разделалась со злодеями.

– Они не злодеи, они просто препятствия. И я честно сама не знаю откуда у меня такая меткость.

Пол мелено начал подниматься, опираясь здоровой рукой на темную стену.

– Они работают на правительство, доверяют ему, значит они соучастники их злодейств.

Я пожалала плечами и тоже встала. Три тела огромными тушами развалились на полу, находясь в глубоком сне. На самом деле мы никому не причинили вреда. Пол начал собирать оружие, а я прошла вперед, нетерпеливо дошла до конца этого коридорчика и с осторожностью заглянула за угол. Дверь. Я развернулась и крикнула: «Обыщи их, тут дверь, нужна ключ-карта»

Молодой человек кивнул и через несколько секунд победно поднял над головой маленькую пластинку.

Когда он приблизился ко мне, я заметила, что лицо его бледное, и один глаз слегка подергивается. Я забрала ключ.

– Ты справишься, ты уверен, что тебе не нужно несколько минут посидеть здесь?

– Оливия ты же знаешь, что у нас на самом деле нет времени, давай просто не будем медлить.

Я кивнула, хотя мое беспокойство никуда не могло исчезнуть, и, приложив карту, отворила дверь.

За ней был большой зал, с трубами по стенам, и двумя резервуарам по середине. Один из них был огромный, серого цвета, вода в нем бурлила, постоянно поступая и тут же утекая по трубам. Рядом стоял резервуар поменьше, выкрашенный позолоченной краской.

Пол хмыкнул за моей спиной. К обоим резервуарам были приставлены высокие лестницы.

– Давай мне бутылочку, я полезу, твоя рука выглядит плохо.

Он явно недовольный своим положение протянул мне, то, что я попросила. Поднявшись по лестнице, я сначала была в замешательстве, крышку мне было никак не поднять, но Пол снизу крикнул: «Там должно быть какое-нибудь маленькое отверстие, ищи» И я искала, поглаживая пальцами поверхность, до которой могла дотянуться. Мне пришлось буквально начать залезать на крышку резервуара, как посередине я почувствовала шероховатость. Поддев ногтями краску я отковыряла дырочку, которую тщательно пытались закрасить. Откупорив сосуд, я собралась вылить все внутрь. Но на секунду я заколебалась, мы так легко поверили Себастьяну, я почти ему доверяла, но возможности, что он все это подстроил, были велики. И сейчас совершив то, что я собиралась сделать я приму решение, которое перевернет жизни. Но все произошло не независимо от меня, пока мне все это думалось, я вдруг начала резко скользить назад, и бутылочка опрокинулась и прямехонько начала выливаться в дырочку.

Ничего нельзя было изменить. Поэтому я поспешно сползла по лестнице прямо в объятия Пола.

– Все хорошо, я видел, что ты сомневалась, но все будет хорошо. Я рядом.

Я ткнулась, как котенок в его здоровое плечо, но тут же встряхнув головой, потянула его на выход. Обсуждать ничего не хотелось, хотелось скорее сбежать отсюда. Я была уве-

ренна, что времени у нас в обрез, полчаса уже кончались и возможно сюда уже направляются более вооруженные люди. Мы помчались по туннелю, вглядываясь в пол и ища глазами серый лоскут. Мне казалось, что я уже слышу шаги, марширующие навстречу нам. Я почти проскочила плиту, когда Пол, снова внимательный и бдительный остановил меня и топнул по плите с серой тканью под ней. Да мы определенно слышали где – то недалеко быстро надвигающийся топот. Я быстро подняла панель и скользнула в темноту, за мной залез Пол, здоровой рукой прикрыв плиту назад. Мы замерли на лестнице, я видела судороги боли у моего любимого на лице, он держался двумя руками, чтобы не упасть, а из плеча текла струйкой кровь и капала мне на мою белую ночнушку. Прямо над нашими головами раздались тяжелые шаги, у людей сверху трещали рации, они знали, что именно мы были там, они искали нас, и ищут прямо сейчас. Не было времени висеть на той лестнице, я начала тихо спускаться, иногда поглядывая наверх, где за мной полз Пол, которому приходилось прикладывать больше усилий.

Когда мы, наконец, оказались на земле, нам казалось, что мы целую вечность были там, наверху. И мы никак не могли проверить успешность операции Себастьяна, нам оставалось лишь следовать его плану. И мы отправились по коридору в ту сторону, откуда пришли.

В пути я часто поглядывало на лицо Пола, которое как мне казалось, становилось все бледнее и бледнее.

Я решила перебинтовать его руку, оторвав полоску ткани от своего подола. Он не возражал, видимо действительно чувствовал себя хуже.

Когда мы дошли до двери, ведущей в жилище Себастьяна, я остановилась, а Пол еще сделал несколько шагов, прежде чем заметил это и вернулся.

– О чем ты задумалась?

– В этой комнате все ответы. Там на столе столько бумаг, мы могли бы все узнать: врет он или нет, какие у него были действительно планы, узнать еще что-то о нашем прошлом. Я борюсь с соблазном...

Я протянула ладонь к двери, но Пол перехватил меня.

– Нам не нужно это все выяснять. Потому что, если ты сейчас не откажешься от этих мыслей, я не пойду за тобой. Мне кажется это и была его цель. Чтобы тебе стало интересно, а потом и жалко его. И ты осталась с ним из-за чувства вины. И если ты сейчас зайдешь туда ты поддашься этому. И я не смогу ни остановить тебя, ни изменить твоих мыслей, и даже возможно быть с тобой.

Он отпустил мою руку.

– Сделай этот выбор сейчас.

Пол развернулся и пошел в темноту.

Я еще раз посмотрела на эту обшарпанную старую дверь, она была как дверь в душу Себастьяна, и Пол был прав, если я не смогу побороть этот соблазн, значит, я хочу простить его и быть с ним в уплату за его потери.

Я догнала Пола, обняв его за талию, он посмотрел на меня и улыбнулся, и мы направились на поиски лестницы, которая приведет наверх.

Мы шли достаточно долго, как нам казалось, у нас не было часов, мы не знали все ли получилось у Себастьяна, и испытали огромное облегчение, когда, наконец, увидели почему-то деревянную лестницу, ведущую наверх в каменный колодец. Я полезла в этот раз первая, потому что у Пола уже не было бы сил открыть люк.

Когда мы выбрались, оказались, как и было обещано, в темном закоулке меж двух каменных домов. Город был тих, как дыхание спящего ребенка. Ни звука, ни шороха, лишь ветер, гуляющий сам по себе. Значит, все уснули, всем уже снятся их цветные сны.

Себастьяна не было здесь. И я волновалась. Мы не помнили, просил ли он нас ждать здесь или в парке напротив, поэтому уселись на коробки рядом с люком. Я приложилась затылком к прохладной каменной стене. Пол, наоборот, склонил голову к коленям.

Нас, возможно, ищет полиция, нас, возможно, ищет власть, и мы не знаем, сколько у нас есть времени на ожидание.

Мне показалось, что я провалилась в сон. Я была Психеей, на мне были белые одежды, а на руках я несла ребенка. Несла малыша на гору, уставшая, испуганная.

Я очнулась от шороха. Открыла глаза, Пол тоже, кажется,

дремал. Я сжала его здоровое плечо:

– Пол проснись, я слышала шум.

Он открыл глаза, разлепил сухие губы, но не успел ничего сказать, как свет от луны, льющийся на наши лица, был перекрыт темной фигурой.

Мое тело пробила холодная дрожь, но тут же все прошло, когда лунные лучи осветили лицо профиль Себастьяна.

– Идемте скорее в парк. За мной.

Я помогла встать Полу, и мы быстро перебежали дорогу. В ограде парка были раздвинуты прутья в нескольких местах, через них мы и полезли. Пролезая Пол, задел все – таки плечо, и громко ахнул. Себастьян развернулся и сначала оглядел меня с головы до ног. Потом посмотрела на моего молодого человека. Пошарил в карманах своего плаща и достал оттуда пару желтых таблеток.

– Обезболивающее, – сказал он, протягивая их Полу.

Тот молча их взял, на мое удивление, не проявляя никакого недоверия, и быстро проглотил их.

Мы продвигались вглубь парка, пока не дошли до маленькой беседки, где Себастьян, шумно выдохнув не сел на скамеечку.

Он закрыл глаза и тяжело дышал. Мы терпеливо ждали. Но не долго.

– Все получилось? – не выдержала я.

Он раздраженно приоткрыл веки, как человек, которому не дали выспаться.

– А вы сомневались во мне?

Ох, включил героя.

– Ну, хоть где-то у тебя успех, – зло пробормотал Пол.
Начинается.

– Себастьян давай без бравады. Сегодня утром люди проснуться свободными и в безопасности?

Он кивнул. И, кажется, ничего больше не хотел говорить.

Пол встал, и я подняла голову, вглядываясь в его лицо, на котором мелькали тени.

Он протянул руку и я, взявшись за его ладонь, встала. Повернулась к Себастьяну, тот вновь закрыл глаза и впал в транс.

Мы шли рука об руку с Полом к выходу из парка, как вдруг я резко остановилась.

– Пол, прежде чем мы исчезнем из этого города и начнем новую жизнь, я должна проститься с ним. Одна.

Он кивнул и разжал свой пальцы.

– Буду ждать тебя здесь, любимая.

И он поцеловал меня в макушку.

Я большими шагами побежала назад к беседке.

Себастьян никуда не делся, будто и не собирался отсюда никогда уходить.

Я села рядом с ним и положила свою ладонь на его холодные пальцы, которые лежали на его острых коленях. Он сам весь был как шип, напряженный покой окутывал всю его фигуру.

– Что-то забыла? – тихо сказал он, не открывая глаз.

– Да забыла сказать спасибо.

На меня тут же уставились две льдинки, светящиеся в темноте беседки. Этот взгляд я точно никогда не смогу забыть.

– За что?

– За то, что отпускаешь меня в этот раз.

– Наконец я делаю что-то правильно. Иди и строй ту жизнь, которая должна была быть у тебя с самого начала.

– Себастьян пообещай, что ты не сдашься. Что ты будешь искать счастья для себя, теперь честное, но будешь. Ты этого на самом деле заслуживаешь, твой один поступок сейчас перечеркнул все зло, что ты делал, потому что это был знак, что ты все еще одной ногой на правильном пути.

– Я буду стараться ради тебя Оливия, только ради тебя. Я скажу тебе тоже спасибо: ты вновь зажгла мое сердце огнем, которое было так долго лишь горсткой пепла.

Он наклонил голову и на его лице заблестели слезы. Я прикоснулась ладонью к его щеке, потом приобняла. Я хотела, чтобы он мог попрощаться с Психеей. Он прижал меня к себе, вдохнул запах моих волос, затем отстранился и посмотрел в мои глаза. Его губы слегка коснулись моих. Поцелуй этот был как легкий ветерок летней ночью. Он отпустил меня и поднял лицо к луне. Еще несколько секунд я смотрела на него, на мужчину, которого я возможно уже не увижу ни в одной жизни. Какова будет эта жизнь без него? Я не могла знать, но я хотела бы верить, что у него будет жизнь без меня.

Я встала и направилась туда, где оставила Пола. Лишь раз повернувшись, обратив последний взгляд на Себастьяна, который стоял и смотрел на звезды, а лицо его озаряли мягкий свет и улыбка.

Эпилог. Везде и всегда

Все стало как прежде для Себастьяна. Его рана лишь покрылась глухой коркой, но также болела, как и раньше. Но он выполнял свое обещание и пытался жить по-новому, вне каких-либо поисков. Иногда ему казалось, будто он меняется внешне, но ему это лишь чудилось. Тоска окутывала его, все чаще он печально опускал голову и задумчиво перебирал в голове прошлое. Он встречался с несколькими девушками, но что-то отпугивало его от развития отношения, и он расставался с ними. Шли годы, десятки лет. Как всегда, для Себастьяна время потеряло границы, его лишь страшила мысль, что ему предстоит целая вечность с этой тоской и болью, но он осознавал, что заслужил это.

Решение вернуться в родные земли далось ему нелегко, но он решил, что если ему суждено провести вечность одному, то он хочется видеть небо над головой, которое соединило его с Психеей. К отшельническому образу жизни ему было не привыкать, он поселился в живописной долине, завел хозяйство, часто гулял и писал мемуары, которые никто никогда не должен был увидеть. И, конечно, не переставал с надеждой глядеть в зеркало.

Однажды он шел по лугу, и присел отдохнуть на пригорке.

По тропинке шла молодая девушка в простом платье, светлые волосы сверкали на солнце, как и веснушки на всем лице. В руке у нее была корзинка. Себастьян внимательно наблюдал за ней, надеясь сегодня же запечатлеть ее портрет во время вечернего сеанса рисования. Она заметила его пылкий взгляд и улыбнулась ему. Он улыбнулся незнакомке в ответ. Тогда она радостно свернула с тропинки и направилась к нему. Девушка желала угостить путника ягодами и молоком в этот жаркий день. Она была рада просто болтать о погоде и красоте природы вокруг. Себастьян решил, что не стоит отказывать себе в более близком знакомстве с этой доброй девчушкой и предложил встретиться на этом месте еще раз.

Себастьяну было приятно проводить время с этой девушкой, он чувствовал даже что-то схожее с влюбленностью, если мог испытывать это чувство. Она была участлива и отвечала взаимностью на его знаки внимания. Ей все хотелось знать о нем, но как только он показывал ей, что есть тайны, которые он не раскроет, она смиренно отступала, давая ему столько пространства сколько ему нужно было.

Прошло пару лет, Себастьян познакомился с родителями девушки, и одним вечером, когда у него выдалась минутка для раздумий, он понял, что этот тот самый шанс выполнить уже почти забытую просьбу Оливии: попытаться быть счастливым.

Он, несомненно, любил эту уже женщину, коей она стала

прямо у него на глазах. Она, конечно, любила его больше, и он бы в жизни не смог бы дать ей все то, что отдавала она. Это было нечестно с его стороны, но ведь он приложит все усилия, чтобы испытывать к ней чувства как можно более схожие к чувствам, которые он нес в сердце к Психее.

И он сделал ее своей женой. Бесконечное счастье поселилось в доме Себастьяна. О таком он и думать забыл за века. Все вокруг было любо и дорого. Иногда он, конечно, утомлялся, его душа была очень стара, и ему было трудно нести бремя такого непомерного опыта. Но видя улыбку своей жены, он стряхивал пыль со своего сердца.

Но в отражении был все тот же молодой лик. Ни единого седого волоса, ни единого изменения. Себастьян расстраивался из-за этого, считая, что все – таки не смог обмануть судьбу.

Казалось, что их уголок стал раем на земле, и все благодаря ей. Она утрясала любую бурю, кроме той, что внутри Себастьяна кричала, что его лучик покинет этот мир, а он снова останется один, лишь с новой раной. Но в одно светлое утро и эту бурю она смогла развеять – новостью о беременности. Мир снова сделал невероятный кульбит для Себастьяна, маленькая жизнь рвалась к нему навстречу. Он боялся этого и в тоже время ожидал.

Лишь иногда он с грустью вспоминал лицо то Психеи, то Оливии. Особенно в ночь их расставания, когда луна светила так ярко, а сердце болело так сильно, что, когда он увидел,

что остался один, он проплакал до самого рассвета. Ему не хватало того целебного для него взгляда.

Девять месяцев пробежали незаметно. Себастьян оберегал свою жену, как священный сосуд. Малышка родилась ночью, за окном бушевала гроза, роды решили провести дома, медсестра еле успела.

Капли отбивали громкий ритм, напоминавший Себастьяну музыку его юности. Свет изредка мигал. В камине горело яркое пламя, языки, как танцовщицы в яркий нарядах, отплясывали свой ритуальный танец. К Себастьяну вынесли маленький всхлипывающий сверток, крошечная ручка тянулась к нему. Он аккуратно взял малышку, это была девочка, секунду ее глазки были закрыты, но тут под громкий раскат грома она распахнула свой большие глаза, и он увидел в них целый океан. Это были те самые глаза. Глаза, которые он бесконечно любил на протяжении целой вечности во всех уголках мира.

На следующее утро в зеркале он увидел седину в волосах и морщинки на лице, улыбающемся счастливом лице.